

18+

ИЗБРАННИЦА ЗВЕЗД

ЧАРЛИ
ХОЛЬМБЕРГ

КОГДА ОДНА ЗВЕЗДА УМИРАЕТ,
ДОЛЖНА РОДИТЬСЯ ДРУГАЯ...

Чарли Хольмберг

Избранница звёзд

Серия «Freedom. Покровители небес»

Серия «Избранница звёзд», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69550447

Избранница звёзд: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-191528-5

Аннотация

Бог Солнца ищет среди людей жену, способную выносить его ребенка. Рождение звезды всегда приводит к гибели матери, но быть избранной богом Солнца – большая честь для любой девушки. Церис Венден – смертная, готовая пожертвовать собой, чтобы обеспечить безбедную жизнь семье.

Но после рождения звезды девушке удаётся выжить. Церис возвращается домой и узнаёт, что за время её отсутствия на Земле прошло семьсот лет и никто из её близких не выжил. Отчаявшаяся девушка мечтает отыскать потомков. Она встречает полубога Ристриэля и сближается с ним. Но союз влюблённых не по душе богу Солнца, и он пойдёт на всё, чтобы их разлучить...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	77
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Чарли Хольмберг

Избранница звёзд

Посвящается Тейлор Свифт, пополнившей ряды моих любимых рассказчиков, когда соседка по комнате распевала «Fearless», спрятавшись в ванной

Charlie N. Holmberg

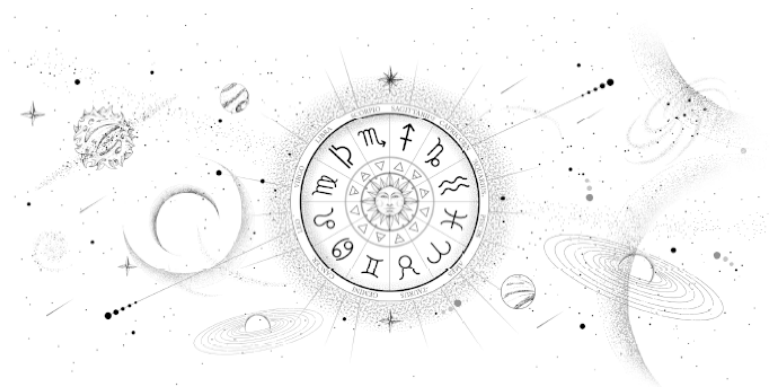
STAR MOTHER

Text copyright © 2021 by Charlie N. Holmberg

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Сухляева В.Р., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Я полагала, что никогда не испытаю такой невыносимой боли, как во время занятия любовью с Солнцем.

Родить Его ребенка было во сто крат хуже.

Однако моя история берет начало немного раньше и заканчивается задолго после.

Что ж, приступим.

* * *

Еще не настала пора, когда кукуруза достойна внимания птиц, поэтому поля не нуждались в пугалах. Впрочем, им вовсе не обязательно пылиться в сараях, а можно найти применение.

Я выскользнула из рощицы, босоногая, с завязанным вокруг икр подолом платья. Волосы рассыпались по плечам, и когда я, пригнувшись, бежала к дому фермерши Мэй, несколько прядей зацепились за ресницы. Она жила на окраине Эндвивера, моей малой родины – деревни, расположившейся в лесу Хелканара, прямо в середине, если верить картам того времени.

– С ума сошла? – прошипела за спиной сестра, на два года меня младше. – Тебя же заметят!

– Тогда поторопись! – прошептала я в ответ, не отрывая глаз от кухонного окна – большого и распахнутого, однако пока за ним никого не было видно.

Приблизившись к дому, я опустилась на колени. Подол платья тут же пропитался грязной водой из лужи от вчерашнего дождя. Что поделать: порой нужно испачкаться, чтобы провернуть удачную шутку. Иначе никак. Вот почему Идлиси не справилась бы сама: слишком чистоплотна.

Я жестом позвала сестру за собой. Ее голубые глаза казались огромными на бледном лице. Спеша ко мне, она не отрывала взгляда от окна. Затем посетовала, как и всякий раз, когда я уговаривала ее на очередную забаву:

– Поверить не могу, что я согласилась! Матушка осерчает. Я шикнула на нее.

– Делай, как говорю, и она ничего не узнает.

Идлиси посмотрела на меня сердито.

– Разве кто-то еще на такое способен?

Я помолчала, раздумывая. Да, за мной закрепилась определенная слава, а Эндвивер был деревенькой маленькой: подозреваемых в шалости не так уж много.

– Тодрик?

Идлиси закатила глаза.

Ухмыльнувшись, я осторожно прошла вдоль дальней стены дома, приостанавливаясь из-за внезапного шума, но то была лишь старая корова, бившая хвостом по обветшалой ограде. Наконец показалась моя цель – узкий сарай, примы-

кавший к стене прямо у задней двери.

Когда мы приблизились, Идлиси замерла. Если бы кто-то решил выйти из дома, нас бы поймали. Впрочем, я тогда просто выпрямилась бы и заявила, что ищу пропавшую курицу. Сестра же... она, скорее всего, расплакалась бы и сразу выложила все без обиняков, и вопроса не дождавшись. Тем не менее, шалить в компании гораздо веселее, а Кан участвовать отказывался, мол, взрослый для таких игр. Да и вообще, он был занят: строил наш дом, куда мы с ним переедем через пять месяцев, после того как мне исполнится двадцать, что в Хелканаре считалось возрастом для брака. Нас сосватали, когда мне было двенадцать, а ему – четырнадцать.

От мыслей о Кане настроение улучшилось, и я улыбнулась. Подойдя к двери сарая, я подняла щеколду.

Позади беспокойно переминалась с ноги на ногу Идлиси, которая была готова при малейшей опасности рвануть в лес.

Когда я убрала с пути грабли и лопату, мне улыбнулась моя цель – пугало. Старое, с порванной на плечах рубахой, пуговицы давно ушли на другие нужды, тем не менее оно было большим и жутким – самое то.

– Помоги-ка, – прошептала я сестре.

Та, крадучись и трясаясь от страха, вошла в сарай и схватила вытянутую руку пугала, я взяла другую. Вместе мы вытащили беднягу на свет. Было некогда возвращать инструменты или закрывать сарай: фермерша Мэй скоро выйдет из дома.

Едва сдерживая смех, я подтолкнула Идлиси, и на полусогнутых мы потащили пугало к главному входу мимо кухонного окна. Я спешно поднялась по двум деревянным ступенькам крыльца, и сестра, которая наотрез отказалась снимать обувь, с топотом проследовала за мной. Вновь шикнув на нее, я подтолкнула их с пугалом к щели в половицах. Я заметила ее вчера, когда приходила за маслом, именно тогда в голове родилась эта задумка. Щель идеально вмещала древко пугала.

Потребовалось больше усилий, чем следовало ожидать, чтобы закрепить эту штуковину: из дома послышался шум, Идлиси, пискнув, бросила пугало и кинулась наутек, оставив меня доделывать все самой. И вот, наконец засунув палку в щель, я, едва сдерживая смех, постучала в дверь и метнулась вслед за сестрой, стараясь укрыться в роще прежде, чем мне откроют.

Я успела нырнуть в заросли до того, как меня заметили, но не успела обернуться и насладиться выражением лица фермерши Мэй. До меня лишь донесся ее крик.

Я рассмеялась и припала лбом к молодой весенней траве.
– Ох, как же нехорошо мы поступили! – воскликнула Идлиси.

По округе разнесся громогласный голос фермерши Мэй:
– Вендины! Я знаю, это вы! Живо вернитесь!
– Говорила же! – сестра выглядела так, будто ее вот-вот стошнит. – Спаси нас Солнце, она идет сюда!

Все еще смеясь, я схватила Идлиси за руку и потащила в глубь леса, танцуя по знакомым тропинкам. Сестра умоляла притормозить, но я не слушала, зная секрет леса: пока виднеется шпиль собора, вы никогда не заблудитесь. Поэтому я уводила нас все дальше, удерживая в поле зрения медный наконечник, который нырял все ниже к верхушкам деревьев.

Как и в большинстве городов Хелканара, нашей главной достопримечательностью был кафедральный собор на северо-востоке. Круглой формы, как и все божественное, с садом лилий в центре и ярким медным шпилем над юго-западным входом. Его построили еще до моего рождения, и, несомненно, он простоит долго после моей смерти, созданный преданными, верными и забытыми руками. Поговаривали, что витражи изготовил мой прапрадедушка. Я не обращала на собор особого внимания: когда растешь так близко к красоте, ее легко проглядеть.

К счастью, мой будущий дом располагался недалеко от фермы Мэй, и вскоре мы вынырнули из леса к его уже возведенным стенам. На перекладинах крыши сидел Кан, укладывая солому. Он обернулся, уголки рта тронула улыбка.

– Ох, Церис... Что ты опять натворила?

Я просияла: внимание жениха грело сильнее самого Солнца.

– Ничего особенного!

Издали донесся очередной крик фермерши Мэй. Кан нахмурился.

– Точно ничего?

Я развязала узел на перепачканном платье, и подол тут же разошелся веером.

– Всего лишь поставила у двери фермерши Мэй ее пугало. Мы его только немножко подвинули!

Кан усмехнулся. Идлиси нервно кусала ноготь большого пальца, как будто боялась, что фермерша Мэй в наказание избьет нас лопатой.

Заложив руки за спину, я покосилась на Кана.

– А у тебя как дела?

– Лучше, чем будут у некоторых, – его внимание вернулось к крыше.

Я пожала плечами.

– Маме все равно, что я делаю.

По крайней мере, в последнее время. Она начала отдаляться от меня после моей помолвки. Иными словами, она теперь считает, что я больше не ее забота. Иногда я сравнивала себя с коровой, у которой закончилось молоко и сейчас занимает место на заднем дворе, пока ее не продадут на мясо.

– Я не тебя имел в виду.

Идлиси принялась грызть ноготь уже на указательном пальце.

Я вздохнула. Обо мне-то мама не волновалась, а вот семнадцатилетней Идлиси еще предстояло подыскать пару. Среди местных почти не осталось холостяков, и отец, будучи

смотрителем собора, не любил надолго отлучаться от деревни, даже для того, чтобы устроить будущее средней дочери. Ему придется скоро начать поиски, однако время еще оставалось: сестра сможет выйти замуж только через три года.

Внезапно по округе разнесся лающий голос матушки. Разумеется, она поняла, что мы спрятались в моем будущем доме – больше-то особенно негде.

– Идлиси Вендин! – мама приближалась к проему, в котором вскоре будет входная дверь. Кан сочувствовал нам. Сестра со слезами на глазах сердито посмотрела на меня, прежде чем выйти. Я последовала за ней.

– Теперь ты донимаешь фермершу Мэй? А? – мама выглядела утомленной, морщинки вокруг глаз углубились. – Ты уже взрослая для таких шалостей!

– Мы никого не донимали, – сказала я в слабой попытке оправдать наш поступок. – Просто перенесли пугало с одной стороны дома на другую. И можем вернуть обратно.

– Непременно вернете! – Мама смотрела только на Идлиси. Она схватила бы ее за ухо, если бы Кан – и, вероятно, некоторые деревенские – не наблюдали. – И сегодня больше никуда не пойдешь, займешься делами по дому, раз у тебя столько свободного времени.

Мне было невыносимо видеть, как сестра получает нагоняй, притом что мне и слова не сказали, хотя именно я придумала шутку и подбила на нее Идлиси.

Я встала перед ней, вынуждая маму обратить внимание на

меня.

– Я сама уберу пугало и помогу вам по дому, если вы настаиваете.

Матушка нахмурилась, глядя на меня, словно ее утомляло одно мое присутствие.

– Почему бы тебе просто не оставить ее в покое? – затем она обратилась к Кану: – Извини, что мы ругаемся при тебе.

Кан добродушно улыбнулся.

– Ничего, миссис Вендин.

Вздохнув, мама взяла Идлиси за руку, вынуждая меня отступить. Понуриив голову, сестра последовала за ней домой.

Едва они ушли, Кан отложил инструменты.

– Ты легко отделалась.

Я скрестила руки на груди.

– Как обычно.

Я всегда отличалась от сестер. Как по мне, правила существуют для того, чтобы их нарушать и менять, если они мешают счастью – моему ли или чужому. Я хотела веселиться. Несомненно, поэтому-то родители и обручили меня в столь юном возрасте: во-первых, чтобы связать ответственностью, но также для того, чтобы перекинуть на кого-то другого бремя меня контролировать. Едва заключили соглашение, они перестали обо мне думать. Что бы я ни делала, я оставалась недоющей коровой на заднем дворе, которая через окно наблюдает, как сестра вновь принимает удар за нее.

В следующий раз я не смогу взять ее с собой. Слишком болезненны последствия. Тогда я еще не догадывалась, насколько правдивыми окажутся эти слова и насколько огромная пропасть разверзнется между нами.

* * *

Я все-таки помогла Идлиси по хозяйству, когда мама отлучилась, пусть сестра на меня и дулась. Едва с делами было покончено, я заскучала и взялась за вышивку, хотя мне следовало закончить свое свадебное платье.

Вышивку я собиралась подарить Кану в качестве небольшого знака внимания, безделушки, которая, возможно, расположит его ко мне, ибо хотя Кан был человеком добрым, с кротким нравом, меня он не любил, в этом сомневаться не приходилось. Не так, как я успела полюбить его. Не так, как мечтала, чтобы меня любили. Он видел во мне скорее младшую сестренку, а не желанную девушку.

Я трудилась до захода Солнца. Хотя работа была закончена лишь наполовину, мне не терпелось показать ее Кану, поэтому, когда родители погасили свет, я улизнула из дома. Вышивка изображала Кана, сражающегося с драконом, только меч держал дракон, а огнем дышал Кан. Мне предстояло добавить ноги Кана, а хвост дракона оставался лишь наброском, но я так гордилась своей находчивостью, что захотела ему показать. Хотела его впечатлить. А еще хваталась

за любой предлог увидеться с женихом, даже столь неблагоприятный.

Итак, я галопом пронеслась через всю деревню к его дому, залезла на поленницу и тихонько постучала в окно комнаты, где он жил с двумя братьями. Его кровать располагалась ближе всего к окну, поэтому я не сомневалась в своей скрытности.

Однако за стеклом не появилась голова Кана, внутри не зажглось ни свечи. Я постучала вновь, пуще прежнего. Затем в третий раз.

Наконец тьму в окне прорезал свет, открылась форточка, но показался Тодрик, брат Кана всего двенадцати лет от роду. Он сонно заморгал, глядя на меня.

– О, Селес! – картаво произнес он. – А его нет. Где-то в лесу.

Я удивилась.

– В лесу?

Тодрик лишь пожал плечами и закрыл форточку: в воздухе ощущался легкий холодок, и мальчику явно не терпелось вернуться в теплую постель.

Обеспокоенная, я прижала вышивку к груди и обошла дом, вглядываясь в южный лес. На дворе стояла весна, листва пестрела зеленью. Все знали, что не следует гулять по лесу ночью – там водились волки и различные божки, хотя последние попадались редко, – так что Кан наверняка не стал бы далеко уходить. Я прошла по тропинке, утопан-

ной многими членами его семейства, миновала маленький алтарь Матушки-Земли и начала пробираться между деревьев до тех пор, пока кустарники вокруг не стали сгущаться. Я не успела зайти далеко в чащу, когда разглядела впереди свет от лампы и расслышала отдаленные голоса. Осторожно подобравшись ближе – не слишком близко, чтобы меня не заметили, – я, взяв вышивку в зубы, забралась на дерево для лучшей видимости.

Беседовали Кан и Аня, дочка ткача. Ничего удивительного, ведь эти двое дружили с пеленок, и я подозревала, что Аня питает к Кану нежные чувства.

Вот только я не думала, что они взаимны.

Она держала лампу, а он, низко наклонившись к ее уху, что-то шептал. Пару раз я уловила свое имя и заметила, как Кан нежно гладит Аню по щеке. Этим он и ограничился – я знала, ибо сидела на том дереве долго, даже после того, как они разошлись. Их голоса были пропитаны сожалением, печалью и любовью, но я знала их обоих: для тайных свиданий у них слишком чистые души. Они не стали бы позорить своих родителей или разбивать мне сердце.

Однако после той ночи в лесу все пошло по наклонной.

«Он научится меня любить», – твердила я себе вновь и вновь. Ведь я научилась любить его. Ему просто требовалось больше времени.

Я удвоила усилия. Приносила Кану вкусные обеды, смешила его и показывала-таки свою вышивку. Я усердно труди-

лась над свадебным платьем, возможно, полагая, что если боги увидят мою преданность, то помогут отворотить сердце нареченного от дочери ткача.

Однако, стоило узнать правду, и уже нельзя было не замечать печали Кана всякий раз, когда мимо проходила Аня, и не видеть ее страданий во время полуденного богослужения. Их боль отражалась в моей душе. Вряд ли они заметили. Надеюсь, что нет. Ибо даже сумей я самоотверженно отпустить Кана, решение все же не за мной. Наши родители связали нас, когда мы были еще детьми, и Солнце засвидетельствовал. Они не потерпели бы расставания. Все приготовления были совершены, а наш дом – почти достроен.

Я с нетерпением ждала новой жизни, когда Кан станет моим мужем, а по нашему скромному домику будут бегать малыши, которых я буду любить всем сердцем. Малыши, которых никогда не покину, даже когда они вырастут и обзаведутся собственными семьями. Я мечтала дать им все то, чего не смогли дать мне мои родители. Мечтала о месте, которое назову домом, и о людях, которых буду считать своими, а они меня – своей.

Я старалась не задумываться, продолжит ли Кан смотреть на дочь ткача с тоской, даже когда у него на коленях будут сидеть наши дети. Смотреть на нее или на воспоминания о ней, случись ей уйти. Я старалась, и все же в те мгновения перед сном, когда разум наиболее восприимчив, эта горькая тревога становилась все сильнее, и меня одолевал страх.

До моего двадцатилетия оставалось всего несколько месяцев, когда Солнце протянул к нам свою длань и зажег факел на крыше собора шириной с лежащего человека и глубиной со стоящего ребенка, наполненный древесиной и маслом.

За все столетия, что собор присматривал за Эндвивером, факел ни разу не зажигали.

Он вспыхнул утром, всего через час после рассвета, и продолжал гореть, даже когда закончилось горючее. Пламя вздымалось высоко и горело ярче, чем любой сотворенный человеком костер, ибо сам Солнце коснулся древесины, пусть никто и не узрел Его длани.

Едва мы оправились от потрясения, вызванного невероятным зрелищем и осознанием того, что нас избрал бог, верующие поняли: погибла звезда, и в поисках ее замены Солнце обратил свой взор на Эндвивер. Звезды, пожалуй, самые могущественные божки, поэтому живут немыслимо долго. Однако в отличие от полубогов, вроде Луны, или настоящих богов, вроде Солнца, они все же не бессмертны.

Они – дети Солнца и могут родиться только от смертной матери.

Я сидела на дереве недалеко от дома, уставившись на языки пламени, венчавшего собор. Оно нагрело здание до невыносимой температуры, поэтому никто не мог войти внутрь,

тем не менее камни не обгорели, а стекла не поплавились. Всю деревню окутало тепло. Уже созвали совет мужчин, но и женщинам предстояло собраться. Как же иначе, ведь только женщина детородного возраста могла исполнить волю Солнца.

Стать матерью звезд считалось огромной честью. Хотя Эндвивер никогда прежде не выбирали, ходили слухи о звездных матерях из других мест, порой в городах Хелканара, порой в чужих землях. О них складывали стихи, песни, ткали гобелены с их изображением. Дом матери звезд осыпали благословлениями, а ее имя восхваляли и почитали. Ее причисляли к лику звезд, и она отправлялась на вечный покой в рай, недоступный воображению смертного.

Ибо ни одна смертная не в состоянии пережить роды звезд. Женщина уходила, чтобы стать звездной матерью, а через девять месяцев возвращалась – похолодевшая, но осыпанная небесными дарами, с застывшей улыбкой на лице. По крайней мере, так говорили. Такое случалось нечасто, всего раз в столетие или около того, поэтому нам оставалось лишь полагаться на сказания.

Он призвал, и не следовало медлить с ответом. Никто не желал испытывать терпение Солнца, который одним прикосновением мог испепелить весь Хелканар, будь на то Его воля.

Женщины собрались на второй день. В Эндвивере насчитывалось двадцать семь женщин детородного возраста. Некоторые уже вышли замуж, тем не менее, почести звезд-

ной матери были столь велики, что даже они могли вызваться. Собрание еще не началось официально, а женщины уже шептались, обсуждая достойную кандидатку, цитировали Священное Писание и сплетничали. Я слушала их вполуха. Всю свою жизнь поклоняясь Солнцу, я знала о почестях и наградах. Однако мой путь уже был предопределен: выйти замуж за Кана, завести смертную семью, жить смертной жизнью и умереть, как умирает всякий смертный.

– Гретча может подойти, – прошептала повитуха матери Гретчи, девушки на год младше меня, которая стояла рядом и слышала каждое слово. – Она хорошая и несватанная.

Мать вздрогнула от предположения, но не дочь. Та восприняла его с благоговением. В наших краях оставалось немного достойных холостяков: деревни были маленькими, разделенными широкими лесами. Разве существует лучшая участь для молодой девушки, чем стать избранницей бога?

Знахарка Джани все повторяла, как хочет удостоиться этой чести. Ее муж скончался годом ранее, и она мечтала о спасении души, гарантированном звездной матери и, как считалось, ее семье. Вот только самый младший ребенок Джани был старше меня. Для нее факел зажегся слишком поздно.

Пока все болтали, я рассматривала окружавшие меня знакомые лица и обнаружила, что одного не хватает. Идлиси. Хотя тут были и мама, и наша младшая сестра Паша. Охваченная любопытством, я выскользнула из толпы и вернулась

домой, где и обнаружила пропажу – закутанная в одеяла, она сидела в нашей спальне и задумчиво смотрела в окно.

– Лиси? – я подошла к ней.

Она настолько глубоко погрузилась в мысли, что вздрогнула, заслышав мой голос.

– Оставь меня.

– Но факел...

– Да знаю я о факеле! – взвизгнула она, затем съежилась и виновато продолжила: – Как можно не знать? Я чувствую его даже здесь! – она покачала головой. – Паша еще слишком маленькая, а ты помолвлена. Я – первая на очереди, разве нет?

Ее страх пронзил меня, подобно тупому ножу, который воткнули мне в грудь.

– Идлиси, возьмут только добровольцу...

– А если никто не вызовется? – прошептала она, затем поднесла ко рту кулак в одеяле и впилась в него зубами.

Я осторожно присела на край кровати и коснулась ее ступни. Сестра отпрянула.

– Ну почему не вызовется-то? Это весьма почетная судьба.

Но Идлиси склонила голову.

– Разве так почетно умереть?

– Душа не умирает никогда. – Это была точная цитата из Священного Писания.

Сестра покачала головой с таким видом, будто мы говори-

ли на разных языках, и вновь перевела взгляд на окно. Желая ее утешить, я сказала:

– Думаю, вызовется Гретча.

Идлиси судорожно вздохнула.

– Надеюсь.

Я в неуверенности поджала губы. Не подыскав иных слов утешения, оставила сестру в покое. Однако не вернулась на собрание, а засела за свое свадебное платье, висевшее в спальне родителей.

Во время работы мне было беспокойно. В голове роились сомнения: может, я наивна в своей вере в Священное Писание? Что верю обещаниям, которые передавались из поколения в поколение? Или же мне легко было поверить только потому, что добровольницей станет другая и мне не придется ничего решать?

Я задумалась о том, что будет, если не вызовется никто. Покарает ли нас Солнце? Отвернется ли Он от нас? Или Идлиси права и одну из наших женщин заставят вызваться?

Стремясь отвлечься, я сосредоточилась на задаче. Свадебное платье было простым, но милым, сшитым из льна, который мне помогла соткать повитуха, и отделанным кружевом, сплетенным мной самой. Я решила его примерить, но не сумела снять с манекена.

Тогда я отправилась навестить Кана.

Совсем недавно минул полдень. В деревне установилась мрачная тишина. Женское совещание закончилось, все

укрылись в своих домах, вместо того чтобы завершать повседневные дела. Даже птицы воздерживались от пения, а собаки – от игр. Мои шаги звучали неестественно громко, и я замедлила шаг, чтобы их приглушить.

Кана я обнаружила на крыльце дома: он сидел, склонив голову на руки, на колени падала тень от леса. У меня перехватило дыхание от нарастающей боли в груди. Он выглядел таким печальным, подавленным, отчаявшимся. Я осторожно приблизилась.

– Кан?

Он испугался: вскинул голову, а во взгляде круглых, как у ребенка, глаз читался страх. Затем он посмотрел на меня, и выражение его лица смягчилось.

– Церис... – его голос звучал хрипло.

– Все в порядке?

Он кивнул, вот только его поза говорила иное. Я опустилась на ступеньку рядом с ним и провела ладонью по спине, чувствуя дрожь его кожи при дыхании.

– Мне страшно, – признался он.

– Как и всем нам. Люди не готовы к тому, что прямо у них на глазах оживут легенды и сказания.

Он прислонился ко мне боком, и я наслаждалась теплом его тела. Затем провела пальцами по кончикам его волос, достигающих ему до подбородка. Кан был таким сильным, и хотя легко смеялся, я никогда не видела своего жениха плачущим. Теперь он, казалось, был на грани слез.

– Кан, что такое?

Он тяжело сглотнул, мешкая, но мое молчаливое ожидание ослабило его сомнения.

– Гретча или Аня. На женском собрании не приняли окончательного решения, и теперь совет будет выбирать между ними двумя.

Слова словно вонзились в сердце железной пикой. Я окаменела. Его печаль накрыла меня с головой, топя и придавливая вниз, как наковальня.

Аня. Я и не подумала о ней.

Если ее выберут, то всю ее семью будут воспевать вечно. Однако это разобьет Кану сердце, ибо, невзирая на все мои усилия, он по-прежнему меня не любил. Не так, как я любила его. Не так, как любил Аню.

И если я знала Аню достаточно хорошо, она ответит на зов. Раз уж на Земле ей не быть с любимым мужчиной, так почему бы не положить конец мучениям самым почетным из возможных способов?

Я продолжила гладить Кана по спине, однако пальцы онемели. Какое-то время мы просто сидели в полной тишине, ибо даже лесные создания благоговели перед горящим факелом: ни сверчок не застрекочет, ни птица не запоет.

Именно в этой тишине внутри у меня вспыхнула маленькая искорка, чуть больше уголька, тлеющего в бездне отчаяния, kloкочущего под кожей. Сперва я не обращала на нее внимания, или, по крайней мере, пыталась, вот только она

жгла так сильно, что боль стала невыносимой. Поцеловав голову Кана, я позволила ему горевать в одиночестве и побрела прочь. В собор не пойдешь: в нем невозможно было находиться. Лес навевал жуть. Дом казался слишком переполненным, неприветливым, а Идлиси все еще предавалась там унынию, страшась за свою собственную участь. Поэтому я просто ходила кругами без четкого пути, без цели, пытаюсь погасить ту искру, ибо она пугала меня так, как доселе не пугало ничего.

Я знала, как стать для Кана самой любимой, не сломив его духа и не опозорив свою семью.

Проблема заключалась в том, что для этого мне придется умереть.

Глава 2

Всего парой слов, одним-единственным обещанием я могла дать Кану то, чего на самом деле желало его сердце. Могла спасти жизнь Ане и разорвать помолвку. Могла прославить свою семью и себя: обо мне будут слагать песни и передавать их из поколения в поколение, обо мне не забудут никогда.

Я могла стать звездной матерью.

Эта мысль овладела мной всецело, я была не в состоянии думать ни о чем ином. Через несколько часов я таки добралась до дома, но не легла спать, а залезла на крышу и принялась наблюдать за факелом на вершине собора. Даже издалека я чувствовала Его жар, который пульсировал в такт биению моего сердца.

У меня была возможность добиться любви нареченного, развеять страх сестры, дать Ане шанс на счастье. Возможность показать свою ценность перед родителями и всем Энд-вивером. И раз уж меня не сумел полюбить Кан, то вдруг полюбит Солнце?

Я гнала эти мысли прочь, но они липли ко мне, как репейник. В тот вечер мужчины собрались вновь. Ночью я не спала. Не помогало и то, что мое окно выходило на собор и, стоило закрыть глаза, пламя Солнца выжигало на веках свой лик.

Я вспоминала Кана в лесу, как он гладил щеку Ани. Виде-

ла его понуро сидящим на крыльце, до смерти напуганным тем, что он может потерять любимую навсегда. Ее имя, сказанное его устами, эхом раздавалось у меня в голове.

Наутро я чувствовала себя несчастной, изнуренной и злой оттого, что ни мама, ни младшая сестра не заметили моего состояния. Идлси я не винила, бедняжка даже не притронулась к еде, как и отца, который еще не вернулся домой. После завтрака я укрылась в маленькой кухоньке, расположенной дальше остальных комнат от собора, и задернула тонкие занавески на окне, пытаюсь спрятаться от Его ока. Пытаюсь утихомирить навязчивые мысли, мне удалось задремать на стуле, однако и во сне я увидела факел и резко проснулась. Шея ныла. Я пошла в спальню родителей, где засела за свое свадебное платье, но пальцы не слушались и занятие казалось совершенно бессмысленным.

Именно в тот вечер, когда отца по-прежнему не было дома, а остальные ужинали, я, глядя на свое почти законченное платье, наконец освободила ту искру, тот навязчивый уголек и позволила ему разгореться.

Я буду звездной матерью.

Усталость, гнев и даже страх улетучились в тот миг, когда я об этом подумала, будто бы сам Солнце меня утешило.

Платье расплылось перед глазами. Руки задрожали. Я тяжело сглотнула. Выпрямилась. И прошептала:

– Я буду звездной матерью.

Кан меня за это полюбит.

Выйдя из комнаты, я почувствовала себя столь уверенно, словно мое тихое заявление, не пробившееся и сквозь стену, тем не менее, достигло небес. Словно сам Бог-Солнце обратил на дом свой взор. Мама с Пашей все еще сидели за кухонным столом перед почти нетронутыми тарелками. Идлиси заявила, что не голодна, и укрылась в спальне. Я тоже не проголодалась, ибо искра, что зародилась во мне, сожгла мой аппетит. Я встала в дверном проеме и принялась ждать, когда меня заметят, и нисколько не удивилась, не дождавшись.

– Что бы вы подумали, – начала я, – отлучись я на долгий срок?

Мама подняла на меня взгляд.

– Сейчас не время для твоих выходов, Церис.

Слова матери меня не задели. Я будто держала в руках огромный невидимый щит и стала другим человеком, который смотрит театральное представление с моим участием.

– Это не выходка.

Они не ответили. Ничего страшного. Когда все закончится, мы вспомним лишь нашу любовь друг к другу.

– Платье подойдет Идлиси, – пробормотала я.

Мама вновь взглянула на меня, приподняв брови.

Я посмотрела ей в глаза, затем Паше. И, расправив плечи, сказала:

– Не тужите, скоро отец вернется домой. Звездной матерью буду я.

На пол упала не одна тарелка.

Я покинула дом прежде, чем кто-то успел возразить. Честно говоря, мне хотелось, чтобы они возразили. Хотелось доказательства того, что я им дорога, слишком любима и они не готовы так просто меня отпустить: мужчины обсуждали вопрос довольно долго, так пусть обсудят еще чуть-чуть и найдут другую желающую откликнуться на зов Солнца.

Однако я опасалась молчания или, того хуже, поздравлений, поэтому ушла, позволив себе струсить тогда, чтобы не струсить позже.

Опустилась ночь, но она походила на ранний вечер: божественный факел продолжал гореть, затмевая даже свет звезд. Я поспешила прочь от него, почти побежала, ибо мало-помалу ко мне возвращался страх и я переживала, что передумаю и буду вечно мучиться из-за проявленной слабости.

Я отправилась не на заседание совета и не в собор, а к Кану.

Обошла дом с намерением, как обычно, взобраться на поленницу и постучать в его окно, однако он уже был на улице, в штанах и одной рубашке, рубил дрова с яростью, которая выдавала его собственные душевные муки. С ним был Тодрик, он первым меня заметил и пихнул Кана в лодыжку. Тот взглянул сперва на брата, затем на меня.

– Церис... – вероятно, мое выражение лица его встрево-

жило, поскольку он бросил топор и пошел мне навстречу. – Что случилось?

Тодрик молча ретировался в дом.

Я задыхалась. Не только из-за быстрой ходьбы. Я напрягла все силы, чтобы унять дрожь, ибо, невзирая на ужас, осознавала, что за два дня лишь раз почувствовала покой: когда приняла решение и произнесла его вслух. Если Солнце меня услышал, будет некрасиво отказываться от своих слов.

– Я лишь хотела увидеть тебя в последний раз.

Он нахмурился.

– В каком смысле?

Я схватила Кана за локти и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в губы. Быстро и невинно, тем не менее, впервые в жизни, и он вздрогнул от неожиданности.

– Я люблю тебя, – промолвила я, и пульс участился от признания, пусть и очевидного. – И хочу, чтобы ты был счастлив.

– С-Церис... – забормотал он. – Что?..

– Запомни мои слова, – настаивала я. Мужество меня покидало, и даже на южной окраине деревни я чувствовала, как жар факела гнетом ложится мне на плечи. Не дает забыть о данном обещании. – Запомни меня.

Я отпустила Кана и повернулась. Он схватил меня за запястье, лицо выражало замешательство. Выдавив из себя слабую улыбку, я мягко убрала его пальцы один за другим.

– Не следуй за мной.

А затем побежала. Словно пыталась обогнать собствен-

ные сомнения, тревоги и страхи. Я направилась напрямиком к шатру, установленному в центре деревни, где ночной воздух соответствовал погожему летнему дню. Где наши мужчины выбирали между Гретчей и Аней.

В сильном волнении я ворвалась через тяжелую ткань, закрывающую вход в шатер, приковывая к себе взгляды присутствующих. Помимо меня на совете присутствовали и другие женщины: обе кандидатки, а также их матери и наша мудрейшая – старушка с бородавками на носу и шишковатыми руками.

Почти сразу меня попытался выставить вон кузнец.

– Ты здесь не нужна.

Я возразила:

– Звездной матерью буду я.

Тишина, воцарившаяся вслед за этим заявлением, была оглушительной.

Гретча посмотрела на меня потрясенно. Аня – с облегчением.

Мой отец, чье лицо вытянулось, спросил:

– Церис? Что ты такое говоришь?

Обойдя кузнеца, я встретилась взглядом сначала с отцом, затем со священником.

– Я буду звездной матерью. Я вызываюсь. Первая.

Если совет до сих пор совещался, значит, ни Аня, ни Гретча не вызвались. И поскольку ни одна не высказалась против меня, вероятно, они, как и Идлиси, не хотели соглашаться,

но были слишком напуганы, чтобы отказаться.

Молчание затянулось почти на целую минуту, пока священник не повторил:

– Ты вызываешься, Церис Вендин?

– Ты скоро выходишь замуж, – проговорил отец хриплым голосом, будто ему сдавило горло.

Я взглянула на Аню, во взгляде ее широко распахнутых глаз читались страх и надежда.

– Думаю, Кан найдет новую невесту еще до наступления зимы, – мне удалось слабо улыбнуться, и Аня вскинула руки к груди, по щеке покатилась слеза. Не желая давать волю собственным чувствам, я переключила внимание на священника. – Звездной матерью должна быть я. Я прослаблю Эндвивер и свою семью. Мне хочется, чтобы все запомнили мое имя, а мое лицо появилось среди звезд. Я буду жить в раю со своими любимыми. Пожертвую собой, чтобы других не вынуждали.

Я тяжело сглотнула, надеясь, что мои слова прозвучали с достоинством, а не отчаянием. Священник покачал головой.

– Ты же знаешь, что смертное тело не в состоянии пережить мощь звезды?

– Я была верующей всю жизнь, – мои кулаки, спрятанные в складках юбки, сжимались и разжимались. – Мне прекрасно известно, что именно я отдаю и что у меня заберут. Сколько еще Солнце готов ждать нашего решения?

Все зашептались, и я поняла, что не единственная этого

страшусь. Наш народ уже три дня заставлял ждать Солнце, величайшего небесного бога.

– Церис, – пробормотал отец, но более ничего не добавил. Он чувствовал жар пламени на соборе сквозь тяжелые ткани шатра. Знал, что за нами наблюдает бог. Понимал, какой почет я ему принесу, пусть даже при этом он меня потеряет. И я надеялась, что напряжение в его голосе говорило о страхе меня потерять.

Смягчившись, я подошла к нему и взяла за руку.

– Вы увидите мою легенду в ночном небе, отец.

Его кадык дернулся.

– Но почему обязательно ты?

– Вызвался первый доброволец. – Священник повернулся к Гретче, Ане и их матерям: – Вы можете идти домой с легкой душой.

Глаза всех четырех женщин просияли, как залитые Солнцем ручьи. Мама Гретчи тут же испарилась, утащив за собой дочь, словно боялась, как бы я не передумала. Мама Ани мне поклонилась, ее дочь тихо произнесла: «Спасибо», прежде чем уйти.

Я надеялась, что она первым же делом навестит Кана.

– Тебе необходимо пройти в собор, – благоговейно сказал мне священник, и невольно подумалось, что тем же тоном он говорил бы на моей свадьбе, связывая руки Кана с моими, где я стояла бы, облаченная в платье, которое теперь не надену никогда. Меня пронзили страх и боль, и я прикусила

губу, чтобы не дать волю эмоциям.

Нужно было уходить немедленно, иначе я никогда не исполню обещания. После взгляда, которым на меня посмотрела Аня... нет, нельзя его нарушать.

– Тебе надо войти через главный вход, невзирая на жар, – продолжил священник. – Надо его вынести и босой пройти к алтарю в сад.

Годами я мечтала стать женой Кана. Хранить очаг его дома, спать вместе с ним, рожать его детей. Мечтала каждое утро видеть его лицо после пробуждения и каждую ночь засыпать в его объятиях.

Пока священник говорил, эти образы становились все более хрупкими и, наконец, начали рассыпаться в пыль у моих ног. Если я буду видеть лицо Кана после пробуждения, он не будет улыбаться. Если возлягу с ним, у него не будет желания. Для него всегда существовала только Аня. Так зачем разбивать три сердца, когда можно разбить лишь одно?

– Там тебе надо встать на колени и прочитать молитву Солнцу. Предложить себя. Если Он тебя примет, то вознесет вверх.

Я сдерживала слезы, пока не вышла из шатра. Теперь, когда судьба моя решена, меня потянуло к собору с необычайной силой. Однако на пути стояли мои сестры и мама, прильнув друг к другу и держась за руки, их близость была и непривычной, и трогательной. Я уже сплотила нашу семью, хотя еще даже не достигла собора.

Подойдя к ним, я обняла сперва Пашу, затем маму, поцеловав в щеку, а когда приблизилась к Идлиси, она обвила меня руками так крепко, что перехватило дыхание.

– Спасибо! – прошептала она. – Я люблю тебя, Церис! И никогда не забуду.

Я и не помнила, когда мне последний раз признавались в любви.

– Я тоже тебя люблю, – прохрипела я, прежде чем отойти.

Притяжение собора усилилось, подавляя сладостное чувство, которое начало зарождаться в груди. Теперь я ощущала на себе и Его взгляд. Чувствовала Его нетерпение и готовность подобно тяжелому шерстяному одеялу.

Деревенские тоже за мной наблюдали. Выходили из домов, из шатра совета...

Однако я сосредоточилась на соборе и его языках пламени, столь же ярких, как сам Солнце.

По мере приближения воздух сгушался, у двери становился невыносимо горячим. У меня на лбу и пояснице выступил пот. Я облизала пересохшие губы и почувствовала привкус соли. Затем поднесла дрожащие пальцы к двери.

Ручка меня обожгла.

Я отпрянула, подавив крик, и прижала ладонь к груди. Неужто Солнце меня отверг?

«Не оглядывайся, – предупредила я себя. – Позволь им быть счастливыми».

Я схватилась за ручку обеими руками и рывком распах-

нула дверь, меня тут же окутало обжигающее дыхание бога.

Не помню, чтобы я шагала вперед, но в следующее мгновение услышала позади стук захлопнувшейся двери. Раскаленный поток воздуха сбил меня с ног, я упала, обжигая руки и колени о каменный пол. Кончики волос завились, я тяжело дышала ртом, жара стремительно испаряла влагу с глаз, языка и носа. Казалось, я не сумею подняться, однако от камня кожа начала покрываться волдырями, и мне пришлось.

Спешно сняв обувь, я прошла дальше. Воздух подергивался рябью, подобно воде. Пробираясь сквозь него, я почувствовала слабость, ладони и стопы пульсировали.

Через арку я свободно продвинулась к круглому садику с лилиями в центре собора. Он был выжжен дотла, пепел от травы и цветов пачкал ноги. Пропитанная потом одежда прилипала к телу, как вторая кожа. Бой сердца глухо отдавался от черепной коробки. Я забыла о душевных муках, охваченная физической болью. Мраморные колонны пылали жаром в десяти шагах от меня, подобно стражам, охраняющим сад с лилиями.

Едва волоча ноги, тяжелые, как только что поваленные деревья, я, наконец, рухнула в золу, тут же попавшую в глаза — сухие и неспособные ее смыть. Кожа на губах растрескалась, пока я ползла вперед, а я чувствовала сожаление, которое все разрасталось, как сорняки в поле после сбора урожая.

Я попыталась помолиться, но разум горел в огне. Я не сдавалась.

«Возьми меня, о, Солнце! Сделай меня звездной матерью.
Я склоняюсь пред Твоей волей».

Я пала наземь, обуглившаяся кожа начала слазить. Мне
удалось протянуть горящую руку и коснуться алтаря.

Меня тут же ослепил свет, и я провалилась во тьму.

Глава 3

Внезапно все изменилось.

Ни ревущего пламени, ни обжигающего жара, ни боли. Открыв глаза, я увидела комнату, не совсем на нее похожую: стены уходили во все стороны, казалось, до бесконечности, а сверху виднелась светлая пустота. Заграждение, которое не совсем заграждало. Место напоминало гобелен с еще не затянутыми рядками. Было спокойно, светил мягкий розоватый свет.

На одной из этих бесконечных стен передо мной вырисовывался сияющий клочок, похожий на окно в сердце небес, а у него стоял мужчина, словно сотворенный руками гениального скульптора и напоминавший огненного льва. Он находился рядом с источником света... или же сам был этим источником? Или и то и другое. Его так сложно описать, и даже сейчас в моем языке нет слов, способных воздать Ему должное. Он любовался светом, как люди любят садом, умиротворенный и неподвижный.

А я... не лежала, но и не стояла. И все же, выпрямившись, заметила, что я вовсе не я, а нечто иное. Что-то, подобно комнате и мужчине, с трудом поддающееся описанию. Кожа была словно из хрусталя, мерцающего и твердого, тем не менее, пластичного. На мне не было одежды, не совсем, но и голой я не была. Как будто эта новая, кристаллическая вер-

сия меня повторяла мое тело в общих чертах, как панцирь. Возможно, не в состоянии передать мелочи.

– Подойди, – молвило существо у окна. Глубокий мужественный голос звучал словно отовсюду, будто вся комната являлась Его устами.

Я сориентировалась и пошла к Нему, пусть и не чувствовала твердого пола под ногами. Яркому свету полагалось слепить глаза, но отчего-то боли не было. Я встала рядом с Ним и взглянула на Его великолепие. Его кожа состояла из пламени, а волосы развевались вокруг головы, как львиная грива. Из-за величия Его лица не получалось различить определенные черты, но мне показалось, что у Него волевой лоб и точеный нос, а глаза цвета белого золота, как Солнце.

Солнце. Ведь это сам Солнце!

Следовало упасть ниц, но я забыла, как это делается.

Подняв палец, Он указал наверх, где стены, которые были не совсем стенами, сменялись открытым небом.

– Взгляни.

Я повиновалась, и сияние больше не было лишь светом, оно превратилось в бескрайний небосвод, ярче и прекраснее которого мне не доводилось видеть в Эндживере. Черное бархатное покрывало усеивали бесчисленные звезды, подобно сонмам ангелов. Впервые в жизни я различила их цвета – белые, красные, желтые, даже синие. Столько цветов и размеров! Невероятное великолепие!

На первый взгляд Солнце показывал на мириады звезд в

целом, однако я увидела, куда именно направлен Его перст: на пустое пространство среди множества точек света, рассыпанных повсюду, как стеклянные бусины. Одна крошечная точка погасла.

Могила. Пустота. Ничего.

Он указывал на погибшую звезду, утрату, которая побудила Его искать ей замену. И все же замена жестокая. Нельзя просто «заменить» ребенка. От Солнца исходили лучи как света, так и скорби. На самом деле в этом месте она-то ощущалась острее всего. Я никогда не предполагала, будто боги испытывают те же чувства, что и люди.

– Мне жаль, – произнесла я беспомощно.

Солнце едва заметно кивнул.

– Таково течение времени. Им не суждено жить вечно.

И тут наконец Он взглянул на меня. Его взор был столь пронизывающим и всепоглощающим, что вселял одновременно благоговейный трепет и жуткий страх. Солнце был самым прекрасным и одновременно ужасающим существом, которое мне доводилось видеть. В Его лице угадывалась древность, и все же, если бы я вышивала Его на канве, Он выглядел бы не старше сорока пяти. Не то чтобы у меня имелись способности или подходящие красители запечатлеть облик бога.

Ведь Он *бог*!

– У всего есть цель, Церис, – в Его устах мое имя звучало весомо. Разумеется, Он знал, как меня зовут. Разве Он не

наблюдал за Эндживером все это время? Разве не снизошел, чтобы зажечь факел? Разве не почувствовала я Его ожидание в тот миг, когда прошептала: «Я буду звездной матерью»? – Во Вселенной существует равновесие, которое находится в постоянном движении. Легче не становится, смерть всегда причиняет боль. Вашему народу доступно узреть лишь крупицу всего.

Не зная, что ответить на такое заявление, да и возможно ли вообще, я только кивнула.

Солнце вновь выглянул в окно, затем отступил и окинул меня внимательным взглядом. Я смутилась. Он словно видел меня четче, чем я Его. Словно мог видеть сквозь кожу, кровь и кости самую мою душу. Неожиданно Его губы подернула нежная улыбка.

– Ты меня удивила. Звезды возлагают на смертных большое бремя. Немногие вызываются добровольно, без увещаний.

В грудь будто вонзили тончайшую шпагу, меня накрыли воспоминания о доме, о Кане и о будущем, от всего этого я отреклась. Однако окружавшие меня чудеса и Его присутствие задержали скорбь.

– Может, я и смертная, – произнесла я, – но дальновидная. Солнце кивнул, видимо, удовлетворенный ответом.

– Ты когда-либо возлежала со смертным мужчиной?

Будь мое тело моим собственным, вопрос заставил бы его вспыхнуть, но эта кристаллическая оболочка никак не пока-

зала моего смущения.

– Это важно? – спросила я, тогда как на задворках сознания замелькали все непристойные мысли о Кане. – Н-нет, никогда.

Он кивнул с серьезным видом, что не повлияло на Его свет.

– Церис... – я затаила дыхание. – Если ты хочешь вернуться, я тебе позволю. – Он оторвал от меня взгляд и перевел на что-то, но в то же время ничего. Что-то на уровне, недоступном моему восприятию. – Это не набросит тень на твой народ.

Я тяжело сглотнула, оцепенев от тревоги. Сердце бешено колотилось, словно я стояла на вершине высокой горы, на самом краю, готовая к прыжку.

С трудом овладев голосом, я спросила:

– Разве... я Вам не угодила?

Он покачал головой, не встречаясь со мной взглядом.

– Я всегда даю вызвавшимся возможность передумать. Всего однажды, тем не менее.

Я прикусила губу и посмотрела на великолепный небосвод.

– Если я не воспользуюсь возможностью сейчас, то позже не смогу?

– Нет. Необходимо чтить закон.

Я обхватила себя руками и медленно отвела взгляд от звезд.

– Я причиню тебе боль, – его голос звучал приглушенно, и все же слова меня напугали. – Невольно, но причиню. Такова моя сущность.

Сердце колотилось. Не быстро, как прежде, а сильно, будто грудная клетка была лишней стеной в доме и ее нужно снести.

Мне предоставили возможность уйти. Вернуться домой. Наверняка я могла попросить драгоценность или иной дар, который докажет моему народу, что меня вовсе не отвергли. Можно принести им почести, не жертвуя жизнью.

Вот только не ради почестей я вызвалась.

– Я останусь, – моя уверенность проскользнула под Его собственную. – Решение принято. Я остаюсь.

Он лишь кивнул. На лице было бесстрастное выражение, почти нечитаемое, однако оно показалось мне... печальным? Но почему такого бога, как Солнце, может печалить то, что смертная добровольно откликнулась на Его зов?

– Идем. – Он отошел от окна света, и тот померк. Когда мы направились вперед, не-стены вокруг задвигались. – Я сдерживаю силу до предела, эта форма самая простая, какую я могу принять.

Он шел с достоинством короля, как Ему и подобает. Я последовала за Ним на пару шагов, прежде чем прохрипеть:

– Уже? – я вскинула голову на звезды, затем сжалась, смущенная дерзостью, с которой обратилась к богу.

К счастью, Солнце не вспылит.

– Пусть время вечное, его не следует расточать понапрасну.

Я тяжело сглотнула, в горле пересохло. Верно. Зачем ждать? Солнце не будет ухаживать за мной, за простой смертной. Я стану звездной матерью, и кто знает, что со мной случится дальше. Чего точно ждать не следовало, так это уютного домика и брачного венка над ложем.

Изображая храбрость, которой не испытывала, я расправила плечи, сцепила руки за спиной и поклонилась.

– Я готова.

Когда он заговорил, Его голос уже звучал не отовсюду:

– Я хочу поблагодарить тебя за служение, а также попросить прощения.

Тогда я не совсем поняла, за что Он извиняется. Вдруг пространство изменилось – я это скорее почувствовала, нежели увидела. Если описывать окружение словами, то все будет точно таким же, как при встрече. И все же оно стало другим. Образовалась полная тишина, а внутри меня пробудились рецепторы, о существовании которых я и не подозревала: они подмечали то, что выходило за рамки запахов, звуков и форм. Появилось что-то глубоко чувственное, вокруг и внутри, в сердце, и я приготовилась выполнить свою задачу. Солнце прождал уже несколько дней. Требовалось поскорее породить новую звезду.

Я не понимала Его просьбы о прощении, пока Он не прикоснулся к моей руке. Прикосновение обжигало, будто рас-

каленный утюг, но инстинкт отпрянуть был приглушен, подавлен. Равновесие вышло из строя, больше не было ни верха, ни низа, ни лево, ни право. И затем это прикосновение было повсюду, буквально *повсюду*, в каждой частичке моего естества, а потом глубоко-глубоко внутри, поджигая меня, как погребальный костер: опаляя, расплавляя и уничтожая.

Кажется, я закричала. Наверняка. Вспоминается с трудом, даже сейчас. Окончания я тоже не помню, ибо после консуляции меня поглотила тьма.

Глава 4

Когда тьма рассеялась, я обнаружила, что лежу на большой не-кровати в очередной комнате, очень похожей на предыдущие две, и все же другой. Меня окружали не-стены. Все было хрустальным и розоватым. Несколько дней я не вставала с кровати – достаточно долго, чтобы заметить отсутствие потолка: здесь тоже над головой было лишь бесконечное ночное небо, усыпанное звездами.

Мне полагалось превратиться в пепел. Сгореть дотла и воспарить к небесам. Но я по-прежнему была собой, той странной, кристаллической версией себя, которая существовала в этом месте.

Именно там, в той комнате, в той постели, я наконец позволила себе горевать. Я оплакивала Кана. Мою любовь к нему, свое будущее и семью, которых у нас никогда не будет. Его потеря ощущалась острее всего, и хотя этот путь я выбрала ради него, страдала из-за принесенной жертвы.

Во-вторых, я оплакивала саму себя, лежащую в одиночестве в незнакомом месте. Оплакивала ту счастливую, игривую девушку, которая, без сомнения, сгорела вместе с моей невинностью. Плакала из-за пустоты в комнате, ибо я отдала себя добровольно, однако в кровати со мной не было ни мужчины, ни бога, которые гладили бы мои волосы, любили бы меня и лелеяли за то, что мы друг другу даровали. Я не

видела никого, кроме слуг – двух незнакомых мне божков, которые смотрели на меня с жалостью и сочувствием, заботясь о моих физических нуждах, – и те со мной не заговаривали. Они выполняли свою работу и ничего более. Прежде я считала себя одинокой, живя в окружении родных, однако истинное одиночество познала, только став звездной матерью.

Я скорбела по родным, какими бы непохожими мы ни были. Все-таки мы любили друг друга. В первое время после соития с Солнцем я была готова отдать все на свете ради недовольных взглядов Паши, пререканий с Идлиси или присутствия мамы, пусть даже и равнодушной ко мне. Я вспоминала реакцию отца на мое решение, свое удивление от его чувств и принималась рыдать.

Также я скорбела о доме. О друзьях, о лесе, о всем том, что было со мной с пеленок. Ничего этого я уже не увижу никогда.

Больше всего на свете мне хотелось общества, пусть даже общества Солнца, и в то же время я этого боялась. Вдруг Его семя не прижилось, и мне придется... быть с ним вновь? Я сомневалась, что вынесу повторение. От одной лишь мысли о том, чтобы стоять в Его присутствии, у меня тряслись поджилки. От чудовищной тревоги, усиленной дроблеными воспоминаниями, горела голова и все естество. Тем не менее я ощущала Его так, будто Он был отрезанной от меня конечностью, которую я отчаянно хотела вытянуть, но внезапно

обнаруживала, что ее больше нет.

Впрочем, мои опасения по поводу зачатия быстро угасли. Видимо, верно говорят: был бы бог, остальное приложится. К концу первой недели я почувствовала нечто, не испытанное никогда прежде: тепло внутри, которое мне не принадлежало, сияние, невидимое глазу. В тот же миг, при всем своем невежестве, я поняла, что беременна и что во мне зародилась звезда. И вслед за тем пришло удивление, которое обернулось в цель, которая, в свою очередь, перетекла в надежду. И та надежда помогла развеять тьму, поглотившую мою душу. Помогла прийти в себя, и я одернула балдахин кровати, чтобы взглянуть на звезды и вспомнить, для чего сюда прибыла.

Я напугала одну из служанок, когда она принесла завтрак, совершенно обычный, из мира смертных, разве что с хрустальным отливом, как и я сама. Возможно, то было некое волшебство, которое позволяло нам существовать в мире, не предназначенном для нашего вида. Или, возможно, именно так мы выглядим на самом деле, оторванные от Матушки-Земли. Служанка взглянула на меня и поставила поднос. Прежде чем она ушла, я спросила:

– Как вас зовут?

Мой вопрос ее поразил.

Она была существом интересным: преимущественно розовая, с телом человека, только без четкого разделения длинной толстой шеи с головой. Из плеч словно торчал огромный палец с нарисованными на подушечке глазами, носом и

ртом.

Помешкав, она ответила:

– Эльта, – ее голос гармонировал сам с собой заволаживающим образом.

Я улыбнулась.

– Давно вы здесь, Эльта?

Она с тоской взглянула на не-дверь, явно желая от меня сбежать. Однако я была настойчива.

Вздохнув, она все же ответила:

– Гораздо дольше, чем вы способны вспомнить.

– Я отлично умею считать.

Эльта вздохнула вновь.

– Пятьсот двадцать три года.

Меня это впечатлило. Божки не бессмертны, но живут очень долго: такова награда за родителя-бога. Или двух родителей-божков. Тем не менее, я не знала, какая именно у них продолжительность жизни, однако сочла невежливым спрашивать Эльту, сколько ей осталось.

Она было направилась к не-двери.

– Я беременна, – выпалила я, отчаянно желая ее задержать.

Эльта повернулась ко мне и впервые посмотрела на меня с сочувствием.

– Знаю. Зачатие происходит всегда. Так устроена Вселенная.

Я положила руку на живот.

– Долго?..

Она поняла, о чем я спрашиваю.

– Девять месяцев, естественно.

– Будет больно?

Она склонила удлиненную голову вправо.

– Пока нет, милая. Не сейчас.

* * *

Моя вторая служанка, Фосия, не проявляла желания со мной общаться. Даже ее имя мне сказала Эльта. Фосия была низкой и пухлой, с кожей темнее, чем пустота между звездами. Принося мне еду или воду, она ни разу не раскрыла рта и не встретила со мной взглядом, словно я была неким страшным существом из глубин морей Терета. Я несколько раз пыталась с ней подружиться, однако каждая попытка, казалось, только отталкивала ее дальше. Я ловила себя на том, что повторяю за ней, отстраняюсь, чтобы угодить ей, и мне это отчаянно не нравилось. Не нравилось чувствовать себя даже более одинокой в ее присутствии.

На второй неделе беременности я спросила Эльту, почему Фосия меня так ненавидит. Та покачала своей розовой головой.

– Она вовсе вас не ненавидит, милая. Просто не привыкла к смертным.

Я крошила пальцами принесенный Эльтой хлеб – пред-

положительно, оставленный в святилище Солнца. Я сидела, поджав под себя ноги, во все той же неизменной комнате.

– Мне казалось, все божки знакомы с людьми.

Эльта ласково, по-матерински улыбнулась.

– Это потому, что вы знаете только божков, населяющих Матушку-Землю. Есть и другие, которые обитают в мирах за пределами этого. Как и я сама. Я родом из мест весьма отдаленных, но прибыла работать в Его дворец.

– Отдаленных? – подняв голову, я взглянула на бесконечные скопления звезд и пространство наверху. – Оттуда, куда не проникает свет Солнца?

– Его свет проникает очень далеко. Так что нет, не дальше. Осмелев, я спросила:

– Кем были ваши родители?

Она приподняла брови, глядя на меня, и я испугалась, что обидела ее.

– Вы о них не слышали.

– Но хочу услышать.

Прежде чем ответить, она взбила одеяло на кровати.

– Моя мать была таким же божком, как и я. А отец был восходящим ветром Расколотого Изумруда.

– Расколотого Изумруда? – название меня заинтриговало. Эльта вновь улыбнулась мне по-матерински.

– Говорила же, вы о них не слышали.

Отложив остатки еды, я откинулась на спину и посмотрела на небо, мой взгляд как магнитом притягивала крошечная

пустота, оставшаяся на месте погибшей звезды. Казалось, я могу провалиться в эту пустоту и никогда больше не вернуться.

Эльта отворила дверь, чтобы уйти. Я поспешно спросила:
– А где дети звезд?

Однако божество покачала головой.

– У звезд нет детей, – затем, предугадывая следующий вопрос, пожала плечами и добавила: – Так устроена Вселенная.

* * *

Легко заскучать вдалеке от дома, где с вами разговаривает лишь одно существо, где нет ни книг, ни музыки, ни деревьев, по которым можно лазить. Где вы одни со своим растущим дитя. В конце концов, я не выдержала.

И прошла через свою не-дверь, чтобы осмотреть дворец, который не являлся дворцом.

Солнца не было дома: в Его присутствии не-стены менялись, становились ярче, полупрозрачными, а когда Он удалялся, тускнели, становились матовыми. Мне было невдомек, как мог перемещаться бог, по моему представлению, постоянно живущий в небе. Впрочем, раз Он бог, то каким-то образом умудрялся.

Я быстро поняла, что дворец Солнца отличается от земного с неподвижными залами и палатами, лестницами, этажами. Нет, он, как тяжелая парчовая ткань, разворачивался

передо мной там, куда ступала нога и падал взгляд. Я пыталась двигаться быстрее в надежде опередить не-стены и увидеть их механизм работы, однако затея провалилась. Дворец был слишком расторопен.

Куда бы я ни пошла, над головой неизменно висело ночное небо. Из каждого окна, в которое я выглядывала, открывался одинаковый вид, и нигде не удавалось узреть родную планету. Я понятия не имела, где нахожусь, если это место вообще существовало в действительности.

Тем не менее, оно было не лишено декора. Однажды я забрела в коридор, вдоль которого стояли горшки с чем-то вроде растения с листьями, напоминающими лепестки лилии. Они полностью отливали жемчужно-золотым цветом, ярким и прекрасным. Будь у меня нить такого цвета или хотя бы бледное его подобие, я смогла бы создать самую великолепную вышивку в мире.

Я также наткнулась на место, похожее на пустой бассейн, однако рядом не было никого, кто объяснил бы его назначение. Поэтому я продолжала свою бесцельную прогулку и повстречала других божков, которые, казалось, тем или иным образом прислуживали в бесконечном дворце из розового хрусталя. Некоторые едва доходили мне до коленей, а иные возвышались над головой. В большинстве своем божки мало чем отличались от Эльты и Фосии, внешне довольно похожие на человека, но отчетливо *другие*, и многие заметили меня сразу, как чернильное пятно в центре белоснежной про-

стыни, и отнеслись либо как Фосия, либо как Эльта – смотрели с жалостью и чурались. Возможно, потому что знали о моей скорой гибели. Впрочем, казалось, дело не только в этом.

Возвращаясь в спальню, я обнимала свой живот, своего ребенка, хотя бы для того, чтобы напомнить себе, почему я здесь и что я вовсе не одна.

* * *

К счастью, Фосия в конце концов сдалась.

Я ее не донимала, только всегда здоровалась с ней при встрече и благодарила. И она ко мне привыкла. Возможно, еще и Эльта замолвила за меня словечко. Во всяком случае, так мне хотелось думать.

Что меня удивило, так это то, *насколько* Фосия расслабилась. Ко второму месяцу моей беременности она уже общалась со мной, как со старой подругой. Фосия разговаривала, как старушка, и ворчала так же.

– Дитя, вам не нужно купаться, – сказала она в ответ на мою просьбу о ванной. Мой живот все еще был плоским, но теплым, и порой в темноте под одеялом я различала слабое мерцание, пульсирующее под кожей у пупка. – Не здесь. Тут! Нет! Грязи!

Я улыбнулась.

– И все же мне хотелось бы принять ванну.

Во взгляде ее ярко-голубых глаз, вполне человеческих по виду, читалось удивление.

– По-вашему, Вселенная мечтает о том, как бы наколдовать вам ванну?

– Вреда в этом не будет, Фосия, – в не-комнату вошла Эльта с охапкой чего-то, в чем я почти сразу распознала нитки всех цветов радуги. Вскочив с не-стула, я бросилась к ней навстречу:

– Ты нашла нитки! – я затанцевала вокруг нее, пока она не переложила свою ношу мне на руки: некоторые клубки припали к груди, некоторые полетели на пол.

У меня было так много времени и совсем нечем его занять, поэтому я не раз спрашивала, можно ли мне вышивать. Я и не думала, что Эльта восприняла мои просьбы всерьез.

Фосия поджала губы.

– От смертных? Что на тебя нашло?

Эльта передернула плечами.

– Ведь она – избранница звезд.

Скрестив руки на груди, Фосия отвернулась. Она словно не хотела слышать напоминаний. Однако, заметив мой взгляд, рявкнула:

– Не воображайте, будто вы мне теперь нравитесь, Церис Вендин!

Я аккуратно отнесла нитки к своему не-креслу и, сев, принялась перебирать цвета. Пальцы наткнулись на желтую, такую яркую, что она казалась почти белой, тонкие нити мер-

цали на свету. В груди запульсировало знакомое чувство – смесь страха и желания, парадокс в неладах с самим собой.

– Когда... Когда я увижу Его вновь?

С нашей совместной ночи я не видела Солнце даже мельком. Следовало, пожалуй, радоваться, однако было непросто отмахнуться от привязанности первой любви, пусть любовью это и не назовешь.

Тем не менее все тело содрогнулось от полузабытой боли. Мелодия тех ощущений запечатлелась в самом моем естестве.

И вновь божки посмотрели на меня так, словно я была чем-то иным, чем-то хуже смертного. Словно я была жалко уродлива или у меня были тяжелые увечья.

– Вы увидите Его на середине срока, – ответила Эльта.

– Лишь тогда?

Она кивнула.

Я почувствовала гнев.

– Значит, он возлежит с женщиной, а потом не приближается к ней почти пять месяцев?

– Дитя! – упрекнула меня Фосия.

Эльта покачала головой, затем посмотрела на небеса. Я проследила за ее взглядом, и глаза мгновенно устремились к месту погибшей звезды. Я всегда могла его отыскать.

– Звезд великое множество, – прошептала Эльта. – Множество и звездных матерей. По одной на каждую. Слишком... тяжело вынести, даже для бога.

От ее слов в сердце кольнуло. Я даже не подумала. Смертные... мы – ничто в сравнении с богами. Тем не менее, было ли Солнцу больно оттого, что матери Его детей всегда умирали? Были у Него чувства к ним? Не потому ли Он казался таким печальным?

А ко мне у Него были чувства?

Он не давал Себе возможности их развить и, похоже, не хотел.

И тогда я поняла, почему Эльта с Фосией не решались со мной заговорить: боялись подружиться.

Я положила ладонь на теплое местечко на животе и улыбнулась, чувствуя пусть и призрачное, но родство с ребенком.
– Ладно. Осталось всего три месяца.

Фосия поднялась со стула и как-то умудрилась приготовить мне ванну.

Всякий раз, когда мне становилось скучно или от вышивки начинали ныть пальцы, я принималась бродить по дворцу Солнца. Он не сильно отличался от собора, пусть и гораздо, *гораздо* больше, чем у нас у Эндживере. Казалось, вечная архитектура чувствовала пределы моего сознания и пыталась подстроиться под что-то, что я могла осмыслить. Окна – эти яркие пятна света – просто появлялись, когда я приближалась к любой не-стене, и я выглядывала из них на небеса, на невероятные завихрения цвета с бесконечными звездами позади. Любуясь ими, я клала ладонь на живот и с восхищением думала о божке, растущем внутри.

Все звезды божи – третий ярус небесных существ. Поговаривают, что они живут на Земле, но редко раскрывают себя перед смертными. На следующем ярусе находятся полубоги вроде Луны. Вот они бессмертны, пусть и далеко не такие могущественные, как боги. Если смертные – мыши, то божества – собаки, а полубоги – медведи. А вот боги – бу-
ря, совершенно отдельный класс, обладающий, казалось бы, бесконечной силой. Матушка-Земля тоже бог, но считается, что Она дремлет, утомленная вечными склоками на небесах, именно поэтому позволяет столь многим существам жить на Ней. Только полубог Терет, живущий в великом океане, может шептать Ей во сне, ибо они любят друг друга и посему едины: Земля и вода.

Во время моих странствий мне никогда не попадался Солнце: ни в коридорах, ни за окнами. О Его присутствии или отсутствии говорило лишь освещение стен.

Я вышивала целыми днями, как никогда прежде. Кончики пальцев вновь медленно покрывались твердыми корками. У меня были нитки всех оттенков, иголки двадцати размеров и длинные тюки ткани, сделанные руками человека. Я трудилась с пылом и восторгом одинокой женщины, отчаянно нуждающейся в занятии.

Первым делом я вышила изображение Солнца.

Я изо всех сил старалась передать Его этим примитивным способом, используя ярчайшие нити – белые и желтые, – чтобы запечатлеть Его величие, ибо именно с Него началась эта

новая история. Несмотря на то что Его образ накрепко отпечатался в сознании, воссоздать Его было почти невозможно, и я не раз распускала работу, прежде чем результат меня удовлетворил.

— Это твой отец, — я поймала себя на том, что обращаюсь к животу, который в ответ вспыхнул волной жара. — Ты — дитя великого короля. Никогда об этом не забывай.

После я создала темное небо, его вихри и звезды всех цветов.

— А это твои братья и сестры, — пела я во время работы. Поначалу я пела песни, которые знала наизусть, однако вскоре придумала новые слова и колыбельные, более подходящие звездочке. — Ты никогда не останешься один. Не забывай и этого.

А потом я вышила себя, смертную и хрупкую, с длинными темно-русыми волосами, заплетенными в косу, серыми глазами и озорной улыбкой.

— Я — твоя мать. И я тебя люблю. Никогда не забывай.

Игла замерла, едва признание достигло сердца. Я вполне ясно осознавала, что растущее внутри меня создание не является человеком. Не походит на меня никоим образом. Тем не менее, оно все же было *моим* ребенком, *моим* отпрыском. Я была звездной *матерью*, а вовсе не какой-то звездной хранительницей или звездным сосудом.

Отложив вышивку, я обеими ладонями потерла свой живот, который все увеличивался.

– Никогда меня не забывай, – прошептала я ему и невольно расплакалась, вспомнив, что не увижу на небе эту звезду, что я отказалась от всякой возможности материнства ради Эндживера, Ани и Гретчи, Кана.

Мне хотелось, чтобы жуткие окна этого места позволили мне увидеть его: как он улыбается в своем новом доме, сжимает руку Ани. Молится за меня по ночам, с полным благодарности сердцем. Ибо наверняка так оно и было. За последние годы я неплохо изучила Кана и знала: он всегда будет любить меня за то, что я воплотила его желания в жизнь. Аня будет в его доме и в его постели, а я освещу сны до его последнего вздоха.

Однако я не могла увидеть Кана, ибо, невзирая на долгие прогулки по дворцу, так и не нашла окна, выходящего на Землю. Словно там слишком уважали покой Матушки-Земли, чтобы за ней подглядывать. Или боялись, как бы я не соскучилась по дому так люто, что кинулась бы вниз из окна вместе со своей звездой.

Временами этот страх, возможно, был не так уж необоснован.

И вот я продолжала свою вышивку, надеясь, что каким-то образом моя звезда увидит ее со своего места на небосводе задолго после того, как меня не станет, и узнает немного о своей матери.

Глава 5

Минуло несколько месяцев. Я занималась каллиграфией, когда в комнату вошла Эльта, взволнованно потирая маленькие ручки.

– Он встретится с вами сегодня вечером, Церис.

В дворце нет необходимости уточнять, кто подразумевается под «Он».

– Неужто прошло двадцать недель? – пальцы машинально коснулись выпуклого живота. До сих пор время текло мучительно медленно, и все же в тот миг, оглянувшись назад, я подивилась тому, куда оно пропало. Жизнь внутри меня горячо запульсировала, будто обрадовалась предстоящей встрече с отцом.

Эльта кинулась к не-стене и начала двигать руками, создавая сложные узоры, пока из воздуха не появилась кристаллическая накидка. Подол волочился по полу, как у свадебного платья, и в груди кольнуло при воспоминании о том, которое я сшила сама, но никогда не поношу. Смогла ли сестра найти себе пару? Наденет ли она мое платье? Вероятно, она захочет свое собственное. Возможно, мое мама продала.

– Вы с Ним поужинаете сразу после западного захода, – сказала Эльта, положив накидку в изножье кровати. Здесь всегда говорили «заход» и «восход», соответствующий полушарию Матушки-Земли. Впрочем, я подозревала, что эти

временные метки использовались только ради меня, поскольку стороны Земли не имели значения для живущих за Ее пределами.

– Я заплету вам волосы и принесу туфли, – добавила Эльта.

Взгляд упал на мои ступни, голые с тех самых пор, как я сняла обувь на раскаленном полу храма.

– Зачем меня наряжать? – я посмотрела на свои руки. Ногти походили на хрупкие драгоценные камни.

– Потому что вы встречаетесь с нашим Владыкой! – сказала Эльта так, будто это очевидно.

– К первой встрече с Ним меня не готовили.

Она с удивлением посмотрела на меня, часто заморгала.

– Ну, то другое дело.

Разницы я не видела, однако Эльта заметно нервничала, и пришлось оставить тему.

Если бы я встречалась со смертным королем, меня бы тщательно вымыли и обтерли маслом, волосы уложили в замысловатую прическу, глаза подвели тушью, а щеки нарумянили. Я надела бы несколько слоев своих лучших одеяний, плюс немного кружев или каких-нибудь украшений, чтобы обогатить вид. В руки втерли бы сливочное масло и подпилили ногти. Я пожевала бы петрушку для приятного дыхания и отрепетировала бы каждую фразу, которая могла мне понадобиться.

Для Солнца же я надела туфли и длинную накидку, кото-

рую прикололи к плечам булавками. Эльта заплела мне волосы в косу и позаботилась о том, чтобы мне было удобно. На том приготовления закончились.

До чего странно, что к встрече с человеком прикладывают гораздо больше усилий, чем к встрече с богом. Однако, как я уже узнала тем или иным образом, законы небес несколько отличаются от земных.

– Когда Солнце не светит над Хелканаром, – сказала я, пытаюсь успокоить нервы в ожидании, – Он светит на другом конце света.

Эльта кивнула.

– Когда же Он успевает появляться здесь?

Она улыбнулась мне, как неразумному дитя. Впрочем, по сравнению с ней я и была ребенком.

– Сатто – бог, – объяснила она, используя имя, распространенное среди дворцовых божков. – Его пути не всегда понятны смертным, – она помолчала, раздумывая над тем, как упростить объяснение. – В каком-то смысле Он себя расщепляет. Может оставить сияние в небе, когда Ему необходимо посетить другое место. Обе формы полностью осознанны, тем не менее, Он не совсем целен. От этого Он более уязвим.

Я резко выпрямилась.

– Уязвим к чему?

Эльта цокнула языком.

– По-вашему, только смертные страдают от войн?

Я задумалась над тем, как будет выглядеть битва между богами. Эльта прибралась в комнате и оставила меня.

Вскоре нервы взяли свое. Я вот-вот собиралась ужинать с самым могущественным существом из мне известных. Существом, с которым провела ночь, но к которому все же не чувствовала близости. При этом Он – отец моего ребенка.

Я отбросила мысли о Кане и направилась к выходу. Дворец знал, куда я иду, поэтому дверь вела не в длинный петляющий коридор, как обычно, а в большую залу без видимых стен. Передо мной простирался хрустальный стол около шести футов в длину, уставленный посудой. Божок-прислужник поставил на стол последний поднос с едой, и я заметила, что вся она из смертного мира: запеченный фазан, неведомое животное, фаршированное яблоками и специями, пироги и торты, суп, два разных вида хлеба, уже нарезанные, множество джемов и кремов. Даже мой свадебный пир не был бы столь грандиозным. На всем виднелся тот же кристальный блеск, что и на моей коже.

В животе заурчало. Божок растворился в воздухе, словно сотканный из облака.

У обоих концов стола было по стулу, я села на ближайший, и голодным взглядом окинула еду. Пахло божественно.

Солнце не заставил себя ждать, так что, к счастью, мысли мои не задержались на прошлой жизни. Он появился, ослепительно сияющий и прекрасный, Его сила подавлена настолько, насколько возможно. И вновь Он принял облик че-

ловека, однако нечто в Нем, таком величественном и твердом, по-прежнему напоминало мне льва. Льва, охваченного огнем, который ему не вредит. Каким невообразимо ярким Он мог быть, если бы не подавлял силы ради встречи со мной. Ибо, несомненно, Он расщепил себя, как объяснила мне Эльта, и где-то в мире миллионы людей пропустили день.

Я вспомнила о Его прикосновении к моей коже и поежилась.

«Он не хотел причинить тебе боль», – напомнила я себе. Тем не менее, тело не забыло ту агонию.

Солнце занял место на другом конце стола.

– Церис, – произнес он и кивнул.

Я кивнула в ответ. Едва Он потянулся за хлебом, я принялась за трапезу. Все, что мне хотелось, внезапно оказалось неподалеку, и вскоре моя тарелка наполнилась яствами. Желудок сжимался от волнения, однако мы с моей звездой проголодались, поэтому я приступила к супу. Теплая, легкая жидкость приятно проскользнула по пищеводу.

Некоторое время мы ели в тишине, я успела покончить с супом и взяться за фазана. Недолюбливая тишину, особенно после столь долгого одиночества, я спросила:

– Богам нужно есть?

Солнце поднял на меня взгляд своих бриллиантовых глаз, они сверкали и завораживали.

– Нужды у нас нет. Однако нам нравятся те же удоволь-

ствия, что и смертным. По крайней мере, мне.

Я кивнула. Мгновение он меня рассматривал.

– Говорят, ты изобразила меня в клубках пряжи.

Опять же, моя новая форма не позволила мне покраснеть, тем не менее я почувствовала жар.

– Н-не пряжи, ваше величество. Нитками... в вышивке. История для глаз. Ради моей звезды. Нашей звезды. Чтобы она или он могли однажды посмотреть на мою работу и в некотором роде познакомиться со мной.

Солнце кивнул, опустил взгляд на стол.

– Понятно.

Повисла тишина. Я съела несколько ложек медового тор-
та, прежде чем заговорить вновь.

– Какими они были, звездные матери до меня?

Отвечая, он не поднял взгляд.

– До тебя их было много, Церис. Столько же, сколько звезд.

Я взглянула в ночное небо, оглядела россыпь звезд. Луны никогда не было – я не видела Ее пять месяцев.

– Тогда расскажите о последних, – настаивала я.

Солнце опустил приборы и сложил огненные руки под подбородком.

– Почему ты спрашиваешь?

– Почему бы не спросить? – возразила я.

Он поджал губы на несколько мгновений, прежде чем за-
говорить:

– Едва ли мне удастся ответить. Я могу назвать их имена, но больше почти ничего о них не знаю.

И вновь я почувствовала боль.

– Почему?

Он встретился со мной взглядом.

– Я не рад их смерти. Жизнь смертных так мимолетна, и все же это жизнь. И она заканчивается с рождением звезды.

Я разглядывала Его лицо, которое, казалось, с каждой секундой все больше походило на человеческое. У меня поникли плечи.

– Зачем нужны новые звезды? Почему их количество не должно меняться?

Он изучал меня так, словно я была книгой на иностранном языке. Даже сидя у другого конца стола, Он словно был рядом, словно мог лишь вытянуть руку и перелистнуть одну из моих страниц.

– Звезды были одними из первых творений Вселенной. Они – источник ее силы и Моей. Именно благодаря свету звезд миры вращаются и движутся по небесам. Благодаря ему существуют приливы и отливы, идет дождь и горит огонь. Без звезд все канет в небытие.

Я об этом и не догадывалась и целую минуту ничего не ела, пытаясь осмыслить сказанное.

– Разве Матушка-Земля не сама себя вращает? И не Терет двигает моря?

– Ты спросила, едят ли боги. Нет. Не так, как смертные, –

он положил руки на стол. – Однако мы живем за счет сияния звезд. Без них Матушка-Земля не сможет вращаться. Солнце не будет светить. Даже пожирающие тьму не смогут этого делать без звезд.

Я тяжело вздохнула.

– Понимаю.

– Когда умирает хотя бы одна звезда, возникает боль. Поэтому Мне и смертным было поручено поддерживать пламя звезд.

– Если их сотворила Вселенная, – сказала я, тщательно подбирая каждое слово, – то почему не сделала бессмертными?

Его губы дрогнули, словно вопрос Его позабавил.

– Будь ей по силам создать вечный источник энергии, она так бы и поступила. Звезды – самые благородные из божков. Они горят ярко и питают все вокруг. Но за все, что нам дается, приходится платить. Для того чтобы звезды могли себя расточать, им нужно умирать. Вот почему их должны производить на свет смертные.

Мои мысли вернулись к предыдущей теме.

– Сколько матерей звезд было до меня?

Всякий намек на веселье на лице Солнца испарился.

Я прочистила горло и немного подправила вопрос:

– Как часто умирают звезды?

Бог отвел взгляд и положил на тарелку еще один кусочек хлеба.

– По-разному. Может пройти пятьдесят лет, а может и двести. Вселенная не жестока.

Я съела еще пару ложек супа и запила его пресладким вином. Затем сказала:

– Звездные матери – смертные, но их кончина Вас печалит. Вот почему Вы не пытаетесь узнать их получше.

Солнце не ответил.

Я поковырялась в тарелке, однако ничего не положила в рот.

– Позвольте... Позвольте говорить начистоту, ваше величество?

Его губы изогнулись.

– Прежде тебе не требовалось Мое дозволение.

– Значит, оно у меня есть.

Он кивнул, и я начала:

– По-моему, это эгоистично.

От отреагировал почти незаметно: слегка приподнял голову, уголки глаз напряглись.

– Да? – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Мы отдаем свои жизни ради звезд. Ради Вас, – я тщательно взвешивала слова. – Да, наши жизни мимолетны, но они ценны. Разве мы не заслужили того, чтобы нас хотя бы запомнили? – спазм сжал горло, и я сглотнула. – Попасть в историю – дар от величайшего существа во Вселенной.

– Я не величайший, – прошептал Солнце.

– Для нас – да, – настаивала я. – Когда Вы будете ужинать со следующей звездной матерью и она попросит Вас рассказать о других, я хочу, чтобы Вы назвали мое имя и мою деревню. Чтобы рассказали ей обо мне.

Мгновение он изучал меня, прежде чем спросить:

– И что именно мне рассказать?

Я опустила вилку рядом с тарелкой и сложила руки на коленях, размышляя.

– Вам следует им рассказать, что я часто высказывалась без разрешения и создавала Ваши непохожие портреты в вышивке, но я была добра к Вашим слугам и прямо говорила, что думаю. Вам следует... следует поделиться с ними своим мнением обо мне, ваше величество. И говорить обо мне с нежностью. Как о той, которая вышивала звезду. Как о матери Вашего ребенка.

Он долго обдумывал мои слова. Затем опустил взор.

– Ты права, разумеется.

– Я не глупая и знаю: Вы – Солнце, у Вас огромная сила и важная задача, нет времени изучать все тонкости моей личности. Но Вам не стоит избегать меня только потому, что моя скорая смерть Вас огорчает.

На миг мне показалось, будто огонь вокруг Его плеч вспыхнул, при этом цвет стал темнее, как сердцевина заката.

Минуло несколько секунд, ни один не притронулся к еде.

Я задумчиво провела пальцем по краю стола.

– Каково это... умирать?

Его бриллиантовые глаза нашли мои.

– Ты спрашиваешь не того. Ибо умереть я не могу.

– Но Вы видели смерть, – заметила я, и Он кивнул, – с самого сотворения мира...

– Я не настолько стар, – возразил он. – Во всяком случае, начала не существует.

Я улыбнулась.

– Ну, значит, просто за свою долгую жизнь.

Он выпрямился в кресле.

– Почему ты об этом спрашиваешь, Церис?

– Разве меня не должно волновать собственное будущее?

Он нахмурился.

– Полагаю, – он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. – Тебе воздадут почести на Матушке-Земле и на небесах. Твоя душа вознесется на высший слой загробной жизни, где боги и божки живут только для того, чтобы служить тебе и твоим близким.

– Мои близкие тоже вознесутся? – прервала Его я.

– Верно. Всем связанным с тобой после их кончины укажут путь в рай.

В груди расцвело тепло, похожее на тепло моей звезды. Значит, обещания блаженного рая правдивы. Я вновь увижусь с семьей. Увижусь и с Каном, если он выберет этот путь... впрочем, с чего бы ему не выбрать?

– Твое тело отправят обратно домой вместе с дарами в знак благодарности. Твой народ будет тебя почитать. Таков

заведенный порядок.

Я знала о своей дальнейшей судьбе, однако она до сих пор казалась мне неосуществимой. И Его слова... Они утешали.

– Спасибо. Позвольте задержать нашу трапезу еще одним вопросом?

Он ждал, как всегда терпеливый.

– Какой она будет, когда родится?

Повернув тарелку на несколько градусов, Солнце спросил:

– Считаешь, что будет девочка?

Я пожала плечами, сама толком не понимая, на чем основано это предположение: лишь на моем желании, чтобы ребенок был похож на меня, либо на материнской интуиции. Все это было для меня в новинку.

Он так долго думал над ответом, что я еще немного поела.

– Не уверен, что тебе по силам это осмыслить.

– Тем более стоит мне рассказать.

Он почти улыбнулся, однако бриллиантовые глаза печально блеснули – не то чтобы бог, сотворенный из огня, способен плакать.

– Она будет яркой и великолепной, – наконец ответил он. – Но будет больно.

Я отложила вилку, горло вновь сдавил спазм. После нескольких мгновений спросила:

– Она увидит мое лицо?

Выражение его лица смягчилось.

– Они всегда видят.

Я кивнула и отрезала кусочек мяса, однако аппетит пропал. Я ожидала, что смерть наступит быстро – смертные не созданы для таких мук. Но я всем сердцем надеялась продержаться достаточно, чтобы увидеть лицо моей малышки, взять ее на руки. Узнать ее.

– Я им расскажу, – осторожно начал Солнце, отвлекая меня от бурного потока мыслей, – что Церис Вендин была мудра не по годам, дерзка и в то же время до дивного очаровательна. И что она любила своего ребенка всей душой.

Мои губы тронула улыбка, я вытерла слезы.

– Рада это слышать.

* * *

Женщина всегда интуитивно понимает, что у нее начались родовые схватки, даже когда они у нее впервые, поэтому, почувствовав едва заметные сокращения живота, я замерла и прислушалась к себе. Моя вышивка была готова – я справилась быстро, больше ничего не оставалось, – и я почти закончила элегантную кайму из жимолости, когда возникла первая вспышка боли.

Вторая была сильнее, а третья – еще сильнее. К четвертой я поняла: что-то не так. Не неправильно, но и не нормально, ведь роды у женщины наступают не столь быстро и не столь бурно. В деревне я видела, как появляются на свет

дети, и наслушалась рассказов повитухи, которая помогала мне с тканью для моего свадебного платья, так что сомневаться не приходилось.

Я поднялась, схватки стали внезапными и быстрыми, каждая как пинок в живот. При этом меня накрывала волна жара, превосходящего мой собственный, словно в чреве разгорались угли.

Моя звезда. Она была готова вот-вот появиться на свет.

Осознание повергло меня в сильнейшую панику, и я даже не вспомнила, что стою на пороге смерти: что существо внутри разорвет меня на части, как некогда его братья и сестры разрывали своих матерей. Однако я знала, что это существо, этот ребенок, который составлял мне компанию последние девять месяцев, готов заявить о себе. И я надеялась, что он увидит мое лицо и услышит голос, прежде чем мое тело испустит дух прямиком в рай.

Сгорбившись, я добралась до своей не-двери, открыла и прокричала в не-коридор, ведущий в никуда и повсюду:

– Роды начались!

Если бы я знала, что эти два простых слова привлекут ко мне столько внимания, то произнесла бы их в первую же неделю во дворце.

Ко мне снизошли божества. Среди них были и Эльта с Фосией – они не спускали с меня глаз последние три недели, зная, что подходит мой срок. Остальных я видела впервые. Прекрасный причудливый дворец задвигался и забурился во-

круг, словно сама утроба, и я оказалась в комнате, мало чем отличающейся от моей собственной, только более плотной, с непрозрачными не-стенами, наклоненными так, будто в попытке лучше меня рассмотреть. При всем при этом надо мной виднелось открытое небо – никакого потолка, лишь бесконечные звезды и галактики, цвета и формы, которым я тогда не имела названия. Примерно как в комнате Солнца, где я бывала всего раз.

Ночное небо надо мной лучилось энергией – одеяло, готовое подхватить свое дитя. Огоньки света плясали в предвкушении встречи с новой сестрой или братом. Пустое пространство, где погасла последняя звезда, словно тянулось навстречу. В своем бреду я представляла, как оттуда вырывается темная рука и хватает мой живот.

Божества едва успели меня уложить, когда я закричала.

У меня было предостаточно времени, чтобы обдумать предстоящие роды. Я видела роды прежде. Видела слезы и мужество, ужас и радость. Я обсуждала с помощницами и самим Солнцем, чего мне ждать. Я считала, что готова.

Однако нельзя подготовиться к жгучей боли, которая пронзила меня насквозь, словно клещи кузнеца подцепили кожу на ступнях и одним резким, жестоким движением содрали ее до самого лба. Словно меня выпотрошили для того, чтобы поджарить на костре. Словно меня пронзил колом сам Солнце, а плоть обуглилась.

Я полагала, что никогда не испытаю такой невыносимой

боли, как во время занятия любовью с Солнцем.

Родить Его ребенка было во сто крат хуже.

Не оставалось никаких вопросов, почему звездные матери умирали на родильном ложе. Ни один смертный не в состоянии пережить такую муку. Даже божество не справилось бы.

Весь мир превратился в сплошную агонию, жгучую и непреклонную, разрывающую меня на части и соединяющую воедино, чтобы растерзать вновь. Я стала бесплотна, и я стала огнем. Я потеряла сознание в том смысле, что перестала думать, однако продолжала чувствовать пытку внутри, медленно, очень медленно подбиравшуюся к бедрам. Боль не уходила ни на мгновение. Я кричала, не ведая ничего вокруг, едва замечая удерживающие меня руки. Если Эльта с Фосией и пытались меня утешить, я их не слышала. Если появился Солнце, чтобы понаблюдать за моей смертью или рождением своего ребенка, я Его не почувствовала. Я была в клетке собственного мирка, раскаленные прутья прижимались к коже, не позволяя вырваться. Не физически. Только моему духу. И я испытала желание, жуткую потребность освободиться от собственной плоти. Я с нетерпением ждала смерти. Я о ней молила.

Время исказилось. Я заживо сгорала годами, десятилетиями, веками, часами, минутами, секундами. Разрывалась на части вновь и вновь, вновь и вновь, пока наконец — о блаженство! — меня не поглотила тьма.

Глава 6

Век вновь коснулся свет – бледный и непритязательный, с легким оттенком розового, однако я не сразу это поняла. Сознание с трудом вспоминало, что такое свет. Моргая сухими глазами, я глядела на него и недоумевала. Долго лежала, силясь понять, кто я такая, что это за тело и как мы связаны. Громоздкие думы терлись друг о друга, словно валуны, тем не менее они двигались, и постепенно я вновь собрала себя воедино.

Церис. Избранница звезд.

В благословенной загробной жизни.

Вот только... загробная жизнь слишком походила на причудливый дворец, в котором я провела почти год. Мало-помалу я нашла в себе силы повернуть шею, взглянула на ночь и звезды над головой и обнаружила неподалеку не-колонну в нескольких шагах от моей не-кровати.

Я лежала навзничь на покрывале, руки раскинуты в стороны, ноги слегка раздвинуты. В белом одеянии, мерцавшем собственным светом, похожим на свет звезды. Ткань, невиданная на Земле, не сотканная человеком. На груди лежали четыре стеклянные розы, а на лбу я почувствовала металлическую корону, теплую от соприкосновения с кожей.

Меня одели как на похороны, на погребение. Как почтенного усопшего. Однако мой дух по-прежнему цепко крепил-

ся к телу, одеревеневшему и утомленному, но не болезненному. Хотя, возможно, оно и ныло, просто в сравнении с болью от родов это меня не тревожило.

Сбитая с толку, я подняла взгляд к небу, усыпанному мириадами разноцветных звезд. Взгляд приковала одна из них, белая бусинка на черном фоне, крошечная и мерцающая. Булавочный укол новой жизни на маленьком островке, где ранее затухла старая. Каким-то необъяснимым образом я сразу поняла: то *моя* звезда. И почувствовала, как она наблюдает за мной, глядит на меня в ответ с... радостью.

Я протяжно выдохнула и улыбнулась. Рядом кто-то ахнул. – Ох! – Существо уронило кувшин, который исчез в не-полу и вновь появился у нее в руках. – О, Солнце всемогущее, она *жива!*

Ее крик эхом отразился от не-стен. Она попятилась, словно у меня в волосах притаился дракон, и выскочила из комнаты. Я смотрела ей вслед, сумбурные мысли подсказали имя – Эльта. Затем я попыталась сесть, но организм еще не вполне пришел в себя. Не удавалось даже мизинцем пошевелить.

Эльта вскоре вернулась с тремя спутниками, одного из которых я узнала, но не вспомнила имя. Все уставились на меня круглыми горящими глазами. Самый низкорослый, с лицом, напоминающим медведя, подошел ко мне вплотную и пристально заглянул в глаза. Затем, собрав стеклянные розы с моей груди, прижал к ней широкую ладонь и резко одернул, словно обжегшись.

– Она выжила, – его голос был наполнен воздухом, неосызаемый, как ветер. – Выжила!

– Немедленно сообщите Сатто! – воскликнул другой.

– Н-нужно ее покормить, – прохрипела Эльта.

И все они исчезли, оставив меня в одиночестве смотреть на мою звезду, отчаянно мечтая до нее дотянуться.

* * *

Три дня я провела в кровати со своей вышивкой у изножья, приходя в себя от испытания, которому полагалось меня убить. Я не знала, почему выжила, как и все прислуживавшие мне божки. Один из них, существо с медвежьим лицом, внимательно меня осмотрел и объявил:

– Вы всецело и бесспорно смертная.

И действительно, я шла на поправку так же, как всякая смертная оправляется после тяжелых родов. Даже лучше, ибо из чрева не вытекло ни капли крови, хотя у большинства женщин кровь идет еще несколько недель после родов. Оставалось неясным, связано ли это с тем, что мой ребенок – звезда, или же его рождение прижгло раны.

Я быстро восстанавливала силы благодаря покою и питанию. Мне доводилось видеть, как порой люди продолжают страдать в мыслях долго после окончания физических страданий, однако мои воспоминания о родах были смутными и далекими, словно все произошло во сне. Словно разум не

хотел запоминать, хотя позже я заметила, что тело сохранило память о том, что было сложно принять.

Мне казалось, будто руки у меня слишком легкие, будто им чего-то недостает – младенца. Я не могла отделаться от постоянной тревоги, что о чем-то забыла. Просила увидеться с моей звездой, однако никому из божков не хватило бы сил доставить меня к далеким местам, где она жила, а мне еще не представилась возможность попросить Солнце, ибо Его всецело занимали «дела первостепенной важности», как выразилась Фосия. И действительно, стены Его дворца в основном оставались матовыми.

Большую часть дня я любовалась вечным ночным небом, вглядываясь в свою звезду и всех ее братьев и сестер. Так ко мне приходил душевный покой.

Отсутствие кровотока стало не единственной странностью. У меня не появилось молока. Лишь одно свидетельствовало о недавней беременности: опорожненный живот опустился, кожа на нем стала толще, как на рубце. На удивление, исчез хрустальный блеск, присутствующий с самого прибытия во дворец. Поразительным образом я стала сама собой, хотя порой краем глаза замечала, что моя плоть словно светится мягким внутренним сиянием, прямо как некогда живот, обремененный звездным ребенком. Еще в волосах появились серебристые пряди, как у моей стареющей матери. Один взгляд в зеркало, которое принесли по моей просьбе, показал, что в остальном я не постарела, тем не менее я

казалась себе иной. Словно душа моя несла больше лет, чем тело.

Впрочем, самое невероятное было то, что я жила и здравствовала, будто никаких родов не случилось, и не только меня одну сие обстоятельство обескураживало.

Еще через три дня ко мне пришли Эльта с Фосией, чтобы подготовить к ужину с Солнцем, как почти пять месяцев назад, только теперь под накидку надели платье, поскольку пропал кристаллический панцирь. Я на удивление тревожилась перед встречей с Ним: сильнее, чем в первый раз. Что-то пошло не так. О том говорили сказания и песни о звездных матерях, взгляды, которыми на меня смотрели божки, и мои собственные неоправдавшиеся ожидания.

Эльта с Фосией и так ужасно суетились, и мне не хотелось обременять их еще и своими тревогами, поэтому я оставила их при себе и позволила божкам провести меня через дворец в большую залу, которая моими смертными глазами воспринималась вполне плотной и земной. В центре стоял трон, мраморный на вид, окутанный лучами закатного Солнца. Высокий и широкий, он сиял золотом, из спинки во все стороны торчали золотые мечи, имитирующие лучи. Солнце выглядел так же, как и всегда в моем присутствии: сила подавленная, тем не менее производящая внушительное впечатление. Он был крупным, как и трон, лицо такое же сияющее и золотистое.

Странно то, что, смутно припоминая обжигающие и му-

чительные роды, я при этом каждой клеточкой помнила ощущения от тела Солнца на себе, о всепоглощающей муке, изнутри и снаружи, и о том, как я чувствовала *все* и в то же время ничего. Вспыхнула тревога – не из-за того, что я не забыла агонию нашей совместной ночи, а из-за того, что не могла вспомнить ощущения от появления на свет собственного ребенка.

– Церис Вендин, – мое имя, произнесенное Его глубоким голосом, прозвучало как псалом. Он подошел ко мне широкими шагами и остановился рядом, невероятно завораживающий. Голубые глаза блеснули от восхищения. – Избранница звезд.

Собрав в кулак все мужество, я низко присела в реверансе и опустила подол на пол, только когда сочла вполне приемлемым.

Вдруг подбородка коснулся его горячий палец и приподнял. Я стушеввалась от столь простого жеста: не из-за его нежности, а из-за воспоминаний о нашей совместной ночи, которые он бередил. Впрочем, доброта в лице Солнца меня приободрила, как и за тем обеденным столом несколько месяцев назад, где мы так откровенно беседовали и затем вполне дружелюбно разошлись.

С запозданием я вдруг осознала, что Его прикосновение, хоть и раскаленное, не причиняет мне боли. Это открытие потрясло.

Он долго меня изучал ярким, пылающим взглядом, паль-

цы продолжали удерживать мой подбородок. Я подыскивала слова. Некто во мне – эхо прежней Церис, земной – хотело воскликнуть: «Та-дам!» Разумеется, я не позволила этим звукам слететь с губ.

– Ты – аномалия, – молвил наконец Солнце. Тут Его взгляд упал на пальцы, которыми он прикасался к моей коже, и, вероятно, Он тоже только сейчас осознал, что не причиняет мне боли. Затем убрал руку. – Никогда, ни разу за все времена, ни одна смертная не пережила роды звезды.

Вглядевшись в Его лицо, я заметила в почти ослепляющих чертах восхищение. Пока Ему не требовалось выполнять мою просьбу не забывать обо мне, ибо я стояла прямо перед Ним, целая и невредимая.

Он склонил голову.

– Тебе нечего Мне сказать?

Я сцепила руки в замок.

– Ваше величество, меня заверили, что я вполне смертная. Боюсь, мне не по силам пролить свет на случившееся. Простите за каламбур, – спешно добавила я.

Он усмехнулся, отступил и обошел меня, заставляя нервничать. Затем вновь встал передо мной и сказал:

– Ты необыкновенная.

Я смутилась от похвалы.

– Б-благодарю Вас.

Он обернулся на нескольких внушительных божков, гораздо крупнее тех, которые удостоивали меня чести своими

визитами. Один спросил:

– Что с ней делать?

– Я не ведаю, – ответил Солнце, опять взглянув на меня. Изучая так, будто впервые видел. Будто я стала другим человеком. Впрочем, я в самом деле изменилась. Затем, наклонившись настолько близко, что я чувствовала жар Его дыхания, Он заглянул мне в глаза. – Полагаю, ты не вполне смертная.

Сердце пропустило удар. *Не вполне смертная?*

Рука невольно легла на живот, где я когда-то вынашивала свою звезду. После родов мой организм изменился. Но насколько на него повлияло то, что ребенок был божком? Что он был звездой?

Солнце задумчиво хмыкнул.

– Если позволите... – тихо начала я, и Он одобритительно кивнул. – Я... Я хотела бы вернуться домой.

Солнце выгнул огненную бровь.

– Ты хочешь вернуться на Матушку-Землю?

Второе божество в дальнем конце залы подал голос, похожий на звон колокольчиков.

– Смертные там живут, – сказал он так, будто мы сами не знали.

Впрочем, возможно, стоявший передо мной бог действительно нуждался в напоминании.

Солнце провел яркими пальцами по подбородку, размышляя. Жест столь человеческий, что он даже показался мне

милым. Почувствовав прилив смелости, я попыталась Его уговорить.

– Полагаю, я вам больше не нужна, мой властелин.

Он вновь усмехнулся.

– Не знаю, правдива ли твоя оценка, Церис Вендин. Ты нарушила порядок, существующий тысячелетия, и Я не знаю, как поступить, – он обвел помещение рукой. – Можешь остаться здесь.

Я с удивлением смотрела на Него, не веря своим ушам.

– Здесь?

Он кивнул.

– Ты подарила жизнь звезде. Ты сослужила добрую службу. Пожалуй, величайшую из всех, что по силам смертным. Мы будем тебе рады. Я... Я буду тебе рад.

Тяжело сглотнув, я обвела взглядом розовые не-стены вокруг. Это место, хоть и весьма причудливое, за последнее время стало мне привычным. Но, осматривая его сейчас, я словно видела впервые. Странное место, другое. Неуютное. Это не мой дом. И, что более важно, не здесь я хотела быть.

Однако, прежде чем отказать богу, я решила попросить об одолжении.

– Наш ребенок. Можно его увидеть?

Он немного помолчал.

– Ты оказалась права. Разумеется, – я нахмурилась, и Он добавил: – Это девочка.

Улыбнувшись, Он подвел меня к не-стене и взмахом руки

создал иллюминатор. Дворец, вероятно, переместился, пока я думала о другом, ибо звезды, на которые я часто смотрела, лежа в кровати, теперь виднелись через иллюминатор впереди. Там была моя звезда, мерцающая и прекрасная, ближе, чем из моей спальни, но по-прежнему слишком далекая. Любуясь ее великолепием, я вытерла слезы.

– Можно мне к ней? – прошептала я.

Плечи Солнца поникли.

– Я тебя отведу в должное время. Однако не сейчас. Ее сила находится в диком космосе, который временно не охраняется.

Меня захлестнули разочарование и замешательство.

– Не охраняется?

Его губы сжались в жесткую темную полосу.

– Дела чрезвычайной важности угрожают равновесию Вселенной. И *Она* этим пользуется.

Я отступила от иллюминатора, который закрылся по спирали.

– Боюсь, Вам придется разъяснить.

– Луна, – он потер переносицу – еще один человеческий жест. – Она постоянно борется за власть, за то, чтобы ее причислили к богам. Впрочем, это не твоя забота.

Я вновь взглянула на то место, где исчез иллюминатор, и в груди защемило от желания, чтобы он появился опять и я выпрыгнула бы из него и поплыла сквозь тьму к дочери! Сколько придется сидеть в этом дворце, прежде чем Солнце

исполнит мое желание?

И если нужно ждать, обязательно ли делать это *здесь*? Я была звездной матерью, а Солнце правит днем. Он наверняка сумеет меня найти, когда Вселенная вновь придет в равновесие.

– Пообещайте мне... – Он встретился со мной взглядом, и я закончила: – Обещайте, что отведете меня к ней, едва станет безопасно.

Он кивнул.

– Обещаю.

Я склонила пред Ним голову.

– Благодарю Вас. Я также прошу исполнить другое мое желание, ваше величество. Я хочу вернуться домой.

Он не отвечал, поэтому я взглянула в Его львиноподобное лицо. Прошло несколько мгновений, прежде чем Он вздохнул, и в не-комнате словно вспыхнуло лето.

– Хотелось бы продолжить нашу беседу, но нужно спешить. Ты оказала огромную услугу Мне и Моему королевству. Я отправлю тебя домой. Если ты этого действительно желаешь.

Сердце подпрыгнуло в груди. Все, что я считала утерянным навсегда – родители, сестры, друзья, – вновь вернется в мою жизнь. И Кан... Кан не станет мне мужем, однако он будет рядом и полюбит меня так, как не полюбит никого другого. И я чувствовала, что мне этого достаточно.

Я кивнула. Солнце поднял руку к золотой ленте, переки-

нутой через Его широкую грудь, и вытянул из нее язык пламени. Затем покрутил между пальцами: с каждым оборотом пламя уменьшалось и тускнело, пока не обрело форму кольца цвета темного янтаря с опаленной полосой посередине. Оно дымилось, когда Он протянул его мне. Помешкав, я взяла украшение. Как и Солнце, оно было горячим, но не причиняло боли.

– Поверни, – велел Солнце.

Я подчинилась, и темная полоса посередине засветилась.

– Когда оно горит, Я могу тебя найти, – объяснил Он в ответ на мой невысказанный вопрос. – Из своего королевства Я вижу всю Матушку-Землю, но Она огромна, а смертных много.

Я надела кольцо на средний палец левой руки.

– Благодарю Вас.

Солнце положил раскаленную ладонь мне на плечо...

И я оказалась дома.

Глава 7

Я переместилась к алтарю в центре собора, меня тут же окутал свежий весенний воздух. Когда я уходила, было лето. Под ногами зеленела молодая трава, пестревшая цветками клевера. Алтарь стоял незыблемо. Я провела пальцами по его прохладному камню – в прошлый раз здесь пылал жар, как в разогретой печи.

На мне было то же платье, что и в тот день, когда я откликнулась на зов Солнца: простое льняное, серого цвета, с вышивкой в виде зеленых листьев, двумя рядами спускающихся по юбке. Я сама их вышила. На удивление, оно не пострадало. Больше у меня ничего не было, даже вышивки, которая теперь принадлежала моей звезде.

Я вскинула голову к небесам и впервые за десять месяцев увидела голубое небо и мягкие облака, смотревшие на меня в ответ. День. Рассвет. Я любовалась им добрую минуту, затем повернулась обратно к собору и к арке, ведущей в неф.

На лице расплылась широкая улыбка. Что скажут деревенские, когда увидят меня живой и невредимой? Что подумают родители и сестры? Возможно, нам удастся вновь испытать ту близость, которую я уловила перед входом в залитый Солнцем собор. Мои истории и почести, обещанные мне богом, перекинут мостик через пропасть, разделявшую нас.

Мне также хотелось вновь увидеть Кана и удостовериться,

что он счастлив. В сердце всегда будет жить любовь к нему, однако ничто не разрушит и не потревожит мой недавно обретенный душевный покой. Наша встреча будет наполнена одной лишь радостью.

Подобрав полы платья, я поспешила внутрь собора. Оттуда доносился шум, несмотря на ранний час. Возможно, отец? Как зрителю, именно ему полагалось подметать в храме божьем. С бешено колотящимся сердцем я миновала главный вход и, завернув за угол, увидела подметавшего пол мужчину в чепце. Но не своего отца.

– Ох, – выдохнула я, и тот поднял на меня взгляд. Я не встречала его прежде. Ему было около пятидесяти, он носил изящные очки и белую епитрахиль, расшитую золотом. Подобного я тоже раньше не видела. – П-простите. Обозналась.

Он улыбнулся.

– Это всего лишь я, – убрав одну руку с метлы, он поправил очки и прищурился, рассматривая меня.

Внезапно сконфузившись, я спросила:

– Это ведь Эндвивер, верно?

– Да, разумеется. – Он шагнул ближе. Затем вдруг переменялся в лице и резко побледнел. – Превеликие боги!

Я неловко поежилась.

– Что такое?

– Вы... Нет, быть того не может!..

– Что такое? – повторила я.

Он выпустил метлу, и она упала.

– Пресвятая женщина... как вас зовут?

– Церис Вендин, – представилась я, и мужчина произнес мою фамилию вместе со мной. Он смотрел на меня круглыми глазами, и я улыбнулась. – Знаю, никто не ждал моего возвращения. Вероятно, вы встречались с моим отцом. – Внезапно по спине пробежал холодок. – С ним все хорошо? Этот мужчина выполнял обязанности моего отца.

Он замешкал, прежде чем ответить.

– Ох, я... Идите-ка за мной.

Он направился в глубь собора, слегка прихрамывая. Невзирая на ярое желание вернуться домой, я последовала за мужчиной мимо внутренней галереи к маленькой дверке, ведущей на кладбище. Сердце застряло в горле, не позволяя ни говорить, ни дышать. Территория выглядела больше, чем я запомнила, впрочем, я нечасто туда ходила.

Мужчина приостановился, затем повел меня к ряду надгробий, которые были заметно выше и более богато украшены, чем остальные. Они выглядели старинными, даже обветшалыми, надписи почти не читались, сверху во все стороны торчали каменные лучи, как у Солнца, укороченные и затупленные ветром и дождем.

– Вот тут покоятся Вендины, – он указал на них слабым взмахом руки.

– Вендины́, – повторила я, подчеркнув «ы». Затем взглянула на ряд других могил за ними, еще более старых. Разве не там похоронены мои бабушка с дедушкой?.. Возможно, я

что-то напутала.

Я провела пальцами по верхушке самого высокого надгробия. На нем различалась выбитая буква «А» и поблекшее Солнце сверху. Я покачала головой.

– Этим надгробиям, верно, несколько веков. Когда я уходила, мои родные пребывали в добром здравии.

Мужчина не ответил, и я повернулась к нему. В его взгляде читалась печаль, и он нахмурился. Я выпрямилась, ожидая объяснения, но он сказал только:

– Вы в самом деле Церис Вендин из Эндвивера.

Он говорил таким тоном, будто объявлял королеву. Я кивнула.

– Идемте, – он направился обратно в собор.

Я спешно его нагнала.

– Вы чего-то недоговариваете? Как вас зовут?

–

– Я – отец Айдан, ваше высочество, – он кашлянул, прикрыв рот рукой. – Избранница звезд. Прошу меня извинить, не знаю, как к вам обращаться.

– Можно просто Церис, – заверила я его. Он покачал головой, словно возражая.

Мы вернулись в собор, и отец Айдан подвел меня к саду, однако на полпути я встала как вкопанная, заметив статую, стоявшую прямо напротив абсида, – ее не было там во время моего последнего визита. Мраморная скульптура в натуральную величину на высоком пьедестале. Женщина в раз-

вевающихся одеяниях, голову венчала корона из солнечных спиц, а в вытянутой руке лежала пятиконечная звезда.

И у нее явно было мое лицо.

Раскрыв рот, я на деревянных ногах подошла ближе. Дострунувшись до подола каменного платья, гладкого от прикосновений миллиона пальцев. Внимательно разглядела свое лицо – благочестивое и излучающее мудрость, с выражением, которого, по-моему, у меня никогда на самом деле не было. Оно выглядело прекрасным и вдохновляющим.

Неудивительно, что отец Айдан меня узнал.

– Красиво, не правда ли? – прошептал он.

Я кивнула.

– Кто ее изваял?

– Увы, мне неизвестно.

Взгляд вновь опустился на подол платья. Вероятно, скульптор работал быстро над моим образом, раз статую уже выставили. Как сотрудник собора мог не знать его имени? И почему камень был таким серым, словно... старым? Прямо как те надгробия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.